

ДМИТРИЙ МАНАСЫПОВ

РАЙОН

ВОЗВРАЩЕНИЕ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Дмитрий Манасыпов
Район: возвращение

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Манасыпов Д.

Район: возвращение / Д. Манасыпов — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

От Района не убежать, даже если сильно захотеть. Сделай пару-другую, пяток десятков рейдов и весь экстрим мира - сладкий розовый детский кисель по сравнению с ними. Но когда судьба дает выбор, то сделать его придется, а уж каким он станет... Здравствуй, Район, мы... Третья книга серии (в авторской редакции). Поклонникам старого-доброго сталкера, суровых приключений суровых мужчин и боевитых женщин - как доктор прописал. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1: площадь трех вокзалов	7
Глава 2: Кротовка – трасса	12
Глава 3: трасса – Периметр	24
Глава 4: Периметр – Черта	34
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Пролог

«Информационно-аналитическая выписка для членов Совета Безопасности РФ и постоянных членов межгосударственной комиссии по внутренней безопасности стран-участников ОДКБ (кол-во экземпляров – сто, гриф – «Совершенно секретно», уровень безопасности – «Красный» А 1-1):

... исходя из вышеуказанного следует отметить, что биологически-техногенная катастрофа, произошедшая ...года в н.п. Радостный Куйбышевской области (РФ), носит спорадический характер, и вполне ожидаем факт рецидива.

Следует обратить внимание на тот факт, что в результате так называемой «Волны», территория самого м.о. Радостный, и близлежащих к нему населённых пунктов, подверглись заражению биологически-активных форм жизни. Феномен «Волны» на данный момент не поддаётся полному анализу, в связи с недостаточным количеством информации и образцов. Специальные группы учёных смежных НИИ постоянно забрасываются на территорию м.о. Радостный (кодовое наименование «Район-55»)

Плотная зелёная Волна, практически мгновенно накрывшая весь город. Краткий миг полузабытья, вспышки возвращения сознания, ужас понимания – что было там и тогда? С кем бы из тех, кто жил в Радостном не пытался говорить... сразу же разговор прекращался, уходил куда-то в сторону, либо переводился на любую другую тему. Ни один из Изменённых не хотел хотя бы близко подпускать кого-либо к тому, что случилось с каждым из пятидесяти тысяч жителей того места, которое совсем скоро после густой зелени стали называть Районом-55.

Сколько из них пыталось прорваться через самые первые посты, выставленные в спешном порядке вокруг города, сколько погибло сразу, попав под бешеную злобу тех, кто лишь недавно были близкими, родными, любимыми... Надорванная Изменением психика не выдерживала, давая выход самым низким инстинктам и желаниям, заставляя убивать. Сколько из тех Изменённых, что остались сейчас в Районе – убили тех, кто любил их, и кто им доверял полностью и безгранично?

В одну ночь живые стали мёртвыми, а мёртвые вновь стали живыми. Если эту не-жизнь можно считать хотя бы её подобием. А как ещё можно назвать твоё существование, если ты не человек, если ты Изменённый? Можете понять, каково это, быть одним из них?..

Вы не понимаете? Поймёте... если выживете. Добро пожаловать в Район!

«... Также известно, что после распространения на территории вышеуказанных населённых пунктов биологически-активной формы жизни, распространяемых «Волной», в организмах населения, а также животных, произошли т.н. Изменения. Результатом явились модернизация генетического кода каждого представителя фауны и населения м.о Радостный. По непроверенным данным также наблюдались случаи наблюдения некроидных форм жизни (доклад РГ ОСпН «Скиф» от года). Следует отметить схожесть в докладах военнослужащих с теми, что были включены в доклад проф. Щепетнёва по ситуации в Черноземельном р-не, Н-ой области СССР от года. Что лишь подтверждает изложенные в приложении к данной записки выводы, использованные проф. Точиновым в секретном докладе за номером 14/83 от сего года, и касающиеся изменений митохондриальных связей в экстра-экстремальных условиях выживания человеческого организма».

Вы видели когда-нибудь человека с четырьмя руками и двумя ртами, из которых торчат такие клычищи, что любой ротвейлер слюной от зависти изойдёт? Или громаду за два

метра ростом, у которой кроме мышц ещё есть механические части и оружие не просто где-то приторочено, а растёт прямо из тела? Встречали когда-нибудь собак с двумя или тремя головами? Приходилось отстреливаться от стаи восставших мертвецов, которые бегают со скоростью спринтеров-олимпийцев и движет ими только голод?

Не доводилось прыжками пересекать ровное пространство, дымящееся вскипающими пузырями ловушки «битум»? Или уворачиваться от разлетающихся ядовито-жгучих спор «огневицы»? Видеть, как того, кто только что шёл рядом – разметало в клочья чёрным роем убийц «доброе утра»?

Бежать, выплёвывая не просто слюну, выплёвывать лёгкие, стараясь успеть добраться до убежища до появления тумана, который уничтожит вас изнутри... и понять, что прямо над тем самым местом, где всё должно стать хорошо – кружит голодный смок. И, сбросив тяжеленный рюкзак, набитый такими драгоценными и такими бесполезно-ненужными сейчас «чушками» – вскинуть вверх ствол, считая в голове количество оставшихся ВОГов. Не пробовали, не доводилось?..

Доведётся, поверьте. И дай-то Бог остаться в живых, и... да – добро пожаловать в Район!

«...в результате мер, принятых руководством МВД, УФСБ и МЧС, а также командованием Н-ой армии МО РФ по ПУрВО, м.о Радостный блокирован всеми имеющимися в наличии ресурсами. Введён режим карантина с применением мер согласно инструкции 13/999 от ...года, применяемой при возникновении ситуации, угрожающей населению близлежащих областей и краёв. Инженерно-сапёрными подразделениями создан так называемый Периметр, пресекающий все возможные попытки проникновения за него как населением м.о. Радостный (т.н. Изменёнными), так и незаконные вторжения сторонних лиц, т.н. «рейдеров».

...года, в результате т.н Гипер-Всплеска, являющегося рецидивом Волны, площадь Района-55 увеличилась в полтора раза (по предварительной оценке).

...для контроля деятельности лиц, именуемых «рейдерами», администрацией особой зоны «Район-55» ввести лицензии на проникновение в вышеуказанный район до 10 километра по трассе, не доходя до т.н. Черты не менее пяти километров. Ввести квоты на выборку «артефактов» с последующей перепродажей в специализированных организациях с преимуществом в пользу государственных учреждений. Установить тарифы на использование права проникновения в Район-55, налоговые льготы с обязательными выплатами, а также...»

Сухие и казённые слова, не несущие в себе и сотой доли той боли, того отчаяния и того страха, что есть внутри Периметра, за которым до сих пор живёт и борется за каждый глоток жизни наш бывший город...

А мы? Кто мы для него, постоянно идущие в него, целеустремлённо и настойчиво. Таскающие то, что даёт нам возможность существовать настолько хорошо, что многие могут лишь завидовать, и идущие вновь всего лишь для того, чтобы на самом деле увидеть три горящих факела, серые вышки и телевышку с облезшей краской. Просто вновь оказаться в нём, ставшим таким чужим.

Не понимаете почему?.. Надеюсь, что поймёте, если хотя бы раз пойдёте вместе со мной и моими друзьями. И, да:

Здравствуй мой Район, я вновь вернулся...

Глава 1: площадь трех вокзалов

Точинов быстро шёл по подземному переходу, стараясь стать незаметным в густой толпе горожан, возвращающихся домой, или наоборот, только-только вышедших из паутины коридоров метрополитена. Казалось бы, это ведь совсем плёвое дело для многомиллионного города, бурлящего днём и ночью, и в особенности здесь, в метро, в час пик. Тут можно раствориться, потеряться, стать незаметным серым силуэтом, одним из тех, кого не выделяют ни глаза милиционеров подземки, ни объективы камер. Но только казалось...

Ай, как любят у нас показывать в сериалах погони, когда доблестные парни из (чаще всего) «убойного» отдела висят на хвосте у своей жертвы. И ещё больше любят триндеть у подъездов, в набитых автобусах и вагонах, на остановках и платформах, на перекурах о том, что де ни хрена не могут менты позорные. Какого-то там негодяя и преступника поймать и разоблачить... да что вы! И коллеги их, наследники большого дома на Лубянке, туда же. А то, все до одного такие же недалёкие и беспомощные, жадные и наглые, только и могут, что корчить из себя борцов за справедливость и бабло рубить левое. Ну да, ну да, блажен тот, кто верует. Профессор Точинов к таковым себя никогда не причислял, подобным образом не думал, и знал, что если действительно НАДО, то найдут, где и когда угодно, да что там найдут... из-под земли достанут и принесут кому надо в подарочной упаковке. С ленточкой, а куда ж без неё-то?

И уж его-то, сейчас, после того, как он узнал многое недозволенное и недоступное – уже ищут. Роют землю так, что только успевай уворачиваться, чтобы не зацепило. И кому какое дело до того, что не его искать надо, а наоборот? Разбираться в том, а кто и зачем ищет именно профессора Точинова? Нет человека – нет проблемы, а он сейчас был таким взрывоопасным устройством, что его легче уничтожить, чем пытаться обезвредить. Потому сейчас он и ввинчивался в толпу, пытаясь раствориться в ней, слиться и стать незаметным. Возможно, что ориентировки на него ещё и не легли на стол различных начальников и командиров, иначе вряд ли он смог бы так спокойно уйти из дома. Хорошо, если так, ведь тогда шанс есть, мизерный шансик, но всё-таки.

Точинов прошёл мимо трёх в серой форме, стоящих у эскалатора. Внутренне напрягся, понимая, что сейчас могут остановить, вальяжно сказав: гражданин, старший сержант такой-то... пройдёте. А дальше?

Обошлось, и вправду обошлось. Тот самый старший сержант, чьи лычки глаза засекали на полном автомате, лишь лениво скользнул глазами по очередному пассажиру метрополитена, ничем особо не выделяющемуся из общей массы. Ну а что, если разобраться, могло выделяться? Высокий мужчина чуть за пятьдесят, с возрастом ставший немного массивным, с залысинами, в очках. Обыкновенная серая куртка, удобные брюки с большими накладными карманами, в ботинках непонятного стиля «кежуал». С собой никакой клади, в которой можно было бы заподозрить хранилище самопального взрывного устройства: ни пакета, ни рюкзака, ни даже маленькой сумки на ремне через плечо, ставшими даже популярнее анекдотичных «барсеток». Кутка нараспашку и под ней не виднеется ни проводов, ни пояса с взрывчаткой. Лицо обычное, славянское, с небольшими усами, нос без каких-либо признаков того, что позволило бы отнести к «лицам кавказской национальности». Правильно, чего в таком подозрительного? Инженер, айтишник на небольшой начальствующей должности, экспедитор... да кто угодно. Знали бы они, что:

Сутки назад:

– Профессор Российской академии наук, лауреат государственной премии...

Точинов также, как и все соседи, хлопал в ладоши, глядя на очередного премианта, проходившего по ковровой дорожке в сторону невысокого и скромного человека в идеально пошитом костюме. Выходя из приоткрываемых гвардейцами высоких, украшенных позолотой и лепниной дверей, каждый из награждаемых делал одно, и тоже действие: сначала чуть озирался, заметно волнуясь, потом, торжественно и не спеша, шёл вперёд, совершая небольшой поворот через пару метров. И тут, после того, как в поле их зрения появлялась невысокая подтянутая фигура в серо-голубом, шаг сам собой становился быстрее и человек даже чуть наклонялся вперёд, всем видом показывая то, что да, вот он, нынешний гослауреат, весь спешит и торопится, чуть не падает. Что поделаешь, любят в России-матушке царя-батюшку, как его не назови. И награды из рук САМОГО получать – всем хочется.

Сам профессор ничего не имел ни против наград, ни против лауреатов. Не говоря уже про человека в сером, с голубыми искорками, костюме, которого считал тем, кто смог удержать весь вновь накопленный потенциал страны после очередного искусственного кризиса. Да что там говорить, и наградами своими, полученными от него же, страх как гордился. Другое дело, что ни несколько орденов, ни саму процедуру назвать официальными было нельзя. Скорее всего, что именно это придавало особое удовольствие тому цинизму, что вызывало у него поведение лауреатов. Ведь как угодно можно думать, но явно изобретение нового стандарта мобильной видеосвязи не может быть важнее того, что делал их НИИ. Пусть что-то новое и принесёт кучу бабок, но всё равно, в конечном результате все они пойдут в ту структуру, в которой работает сам Точинов. Щит и меч страны, вот что важно...

Церемония времени заняла как обычно много, даже ладони устали от постоянных оваций в честь вновь обретенных страной Ломоносовых и Кулибиных. Точинов неоднократно успел пожалеть о том, что вообще поддался на уговоры своего директора, которому вступило в голову отправить его в числе пятерых приглашённых. Какого чёрта он тут вообще забыл, если вдуматься? Вот-вот, что никакого, и даже наоборот.

Уже после торжественных фанфар и поздравлений, на фуршете, стало ещё скучнее. Пара услышанных разговоров, несколько вскользь брошенных кем-то фраз – давили на его, очень сильную, психику. Давили своей бесплодностью, серостью и однородностью. Деньги, отдых, вложения и инвестиции, яхты, автомобили. И это те, кого страна считает элитой?! Радовали коллеги учёные, небольшое количество военных, медиков и преподавателей, которые, это было заметно, любили своё дело. Даже захотелось остановиться, перекинуться парой слов вон с теми тремя, которые сейчас ожесточённо спорят о спорадичности вновь создаваемых трансгенных цепочек... но нельзя. Подписку никто не заставлял давать, сам аккуратно и красиво везде расписался, на свою умную голову.

Он уже подумывал о том, насколько будет невежливо уйти оттуда, куда многие просто мечтают попасть, когда сзади его цепко взяли за локоть.

– Меня сейчас не заметно, так что сделай вид, что просто задумался. У тебя в правом кармане флэш-карта. Уходи с приёма минут через пятнадцать, когда основная часть приглашённых двинется к выходу. Обязательно посмотри сразу же, как приедешь домой и действуй, быстро действуй. Я уже ничем не смогу помочь, так как меня, скорее всего, возьмут прямо здесь. Лось, это нужно остановить...

Точинов, почесал, по старой привычке лоб. Каждый раз, когда он задумывался, рука сама поднималась вверх. Поправил очки и лишь тогда оглянулся, осторожно, так, чтобы со стороны казалось, что его интересует только официант с подносом. Взял вытянутый фужер на тонюсенькой ножке, отпил и пошёл в сторону собственного директора, куртуазно беседующего с представителями министерства обороны, курирующих деятельность института.

Шампанское, золотистый брют с крохотными пузырьками, наверняка было прекрасно. А каким ещё может быть шампанское, подаваемое здесь? Но вкуса Точинов не почувствовал, мысли были далеко от ощущений, передаваемых вкусовыми рецепторами. Серёга, один из тех

трёх, что знали его как Лося тогда, в весёлые и разухабистые студенческие двухтысячные. Не узнать его голос он не смог, хотя видел его в последний раз очень давно. И сейчас Точинов был не на шутку встревожен, хотя... это было неправильное определение. Испуган, именно вот так и намного точнее.

Серёга работал в одном из таких же, как и сам Лось, закрытых институтов. Специализации у них всегда считались в чём-то схожими, но в чём-то абсолютно разными. А вот совершенно общего было совсем немного, вернее, общим являлось исследование лишь в одной теме. Той самой, что напрямую касалась его, Точинова, падения и не выездного положения... Района.

Когда основная толпа гостей двинулась к выходу, в голове профессора уже на полную мощность работал его личный суперкомпьютер. Варианты, которые просчитывались в голове, были совсем немногочисленны, и оставалось лишь добраться до дома и получить подтверждение одного из них. Директор несколько раз покосился на него, когда они ехали в его автомобиле по никогда не спящему городу. Возможно, что даже хотел спросить – в чём дело, так как обмануть его было сложно. Но так и не спросил.

Дождавшись, когда шаги сопровождающего до двери охранника стихнут, Точинов, не снимая обуви, прошёл на кухню. Квартира была большой, уж на что, а на это Институт явно не поскупился. Но работать в своём кабинете, таком просторном и вроде бы удобном, он не любил. Ему хватало ноута на кухонном столе, здесь было уютнее что ли. Кофеварка под рукой, постоянно готовая к работе. Холодильник, в котором всегда стояла бутылка молока и на тарелке лежала постоянно успевавшая чуть заветриться нарезка из сырокопчёной колбасы и сыра. Пепельница и несколько открытых пачек сигарет. Курил он много и тут же, не утруждая себя походами на лоджию, в подъезд или в туалет. Смысл, когда ты живёшь один, и вытяжка на кухне работает просто прекрасно?

Бук ожил, засветившись дисплеем. Флэшка вошла в разъем, Точинов щёлкнул мышкой, заставляя открыться сразу, а не ждать автозапуска. Когда мелькнуло красное окошечко, и мелодичный женский голос неожиданно запросил пароль для входа, сомневался он не долго. Общее, по-настоящему общее, у них с Сергеем было одно.

Длинные пальцы с жёлтыми следами от никотина быстро пробежали по клавишам, набрав единственное дорогое имя, которое так и осталось навсегда дорогим: Марина. Электронная собеседница немедленно подтвердила, что Точинов не ошибся, и на экран немедленно начала выводиться информация. Графики, таблицы расчётов, аналитические данные, схемы и символы химических соединений. Всё это было свёрнуто в очень сложную систему, давно разработанную умными головами специально для того, чтобы непосвящённый, случайно увидевший ЭТО, так ничего и не понял. Путь, по которому следовало пройти для получения логических переходов, был один, и его вводили в подкорку с помощью гипнограммы. Иначе было нельзя.

Через час после того, как перед ним развернулась объёмная схема того, что содержалось на флэшке, Точинов откинулся на спинку стула, достал сигарету и закурил, жадно и нетерпеливо затягиваясь. Три затяжки, и в пепельнице оказался лишь фильтр. Прикурив вторую, он понял, что пальцы дрожат, крупной, неконтролируемой дрожью. И было с чего.

Он ненавидел объект «Ковчег» за то, что тот смог сделать с тем небольшим городком. Ненавидел Гробового, всё-таки сунувшегося тогда в то место, которое нужно было просто замуровать, а напротив поставить постоянный пост с автоматическими авиационными пушками на дистанционном управлении. И, может быть, тогда бы ничего не произошло, и не было бы всего того, что не давало спать ему по ночам. И ещё Точинов сильнее всего ненавидел самого себя.

За то, что тогда не смог помешать случившемуся. За беременную девушку, которую поместили в лабораторию, и вырастили в ней то, что ему хотелось уничтожить сразу же после

рождения. За кадры, которые доставляли военные, и за которые платили своими жизнями. За больше чем пятьдесят тысяч живых и невиновных людей, которых в одну ночь накрыла Волна, изменив и их самих и то, что было для всех них домом. Простить этого себе Точинов не мог, хотя понимал, что всё, что можно было сделать тогда, сделал. Но разве можно заткнуть собственную совесть? То-то, что нет, её нельзя заткнуть и нельзя утопить в алкоголе, как он пытался сделать сразу же после того, как его, орущего матом, выгрузили с борта МЧС, привёзшего в Москву тех, кто тогда был на вечеринке в честь чьего-то там дня рождения. И, только благодаря этому, оказавшимся за десяток километров от Радостного. Города, в котором в тот момент бушевала безумная, прореженная молниями, мощь и зелень Волны. А после неё, что стало с ним и его жителями после неё?!!

А сейчас... Господи ты Боже, что же может произойти сейчас?!! Когда до него полностью дошёл весь ужас, содержащийся на флэшке, по позвоночнику явно и отчётливо пробежала ледяная дрожь. Он долго сидел, невидяще смотря в уже погасший монитор бука, курил и думал о том, что узнал. Решение, которое само возникло в голове, нисколько не удивило Точинова. Потому что оно могло быть абсолютно верным в той ситуации, что сложилась. Профессор встал и грузно потопал в комнату, которая единственная из всех четырёх была обжитой.

Посмотрел на фотографию, стоящую на полке шкафа с книгами. Провёл по ней пальцами, коснувшись подушечками гладкого стекла рамки. Он был старомодным, и не любил всех этих новых объёмных изображений. Тем более что эта была ему особенно дорога. Редкие минуты, когда Точинов был со своим сыном от единственного брака, чаще всего никто не снимал, потому что они всегда были вдвоём. Как тогда в парке оказалась молодая женщина с цифровой «зеркалкой», которая сняла их? Счастливых, довольно смеющихся у стенда с пневматическими винтовками, говорящих о чём-то своём. Кажется, что он хвалил тогда сына, за то, что тот сбил все-все мишени. Но это было и неважно, потому что тот случай был единственным и оказался таким нужным. Они с ней обменялись электронными адресами, и Точинов чуть было не забыл про снимок, когда вдруг, неожиданно пришло письмо с вот этой вот фотографией. Лёшка, Лёшка...

В горле встал комок, но он сдержался. Открыл полку и достал старенький мобильный телефон, который держал постоянно заряженным и с полным счётом. Номеров в нём было мало, и никто не знал про то, что Точинов вообще их знает.

Вызываемый абонент ответил практически сразу. Молодой голос задал всего несколько вопросов, после чего отключился. Чуть позже звякнувший сигнал показал, что на номер поступила «смска». Точинов быстро открыл её, стараясь запомнить номер и имя, вернее кличку. Следом неожиданно свалилась ещё одна, и то, что было в ней, заставило профессора двигаться так быстро, что он успел даже немного удивиться.

Запас денег в мелких и крупных купюрах всегда находился в небольшом сейфе в письменном столе, покрытом густой пылью. Там же, у самой стенки, смазанный, ухоженный и матово отблёскивающий, в небольшой кобуре с зажимом, спал короткий «бесшумник». Один из тех плюсов, что входил в пакет при работе в Институте, и очень жаль, что им наверняка придётся воспользоваться.

Дверной замок мягко щёлкнул за его спиной. Точинов чуть задержался, смотря перед собой и не замечая ничего. Тряхнул головой и быстро побежал по ступенькам вниз, хлопнув подъездной дверью и выходя на улицу. Небо уже стало утренним, прореживаемое светлыми облаками, подсвечиваемыми красноватым солнцем.

Три вокзала на одной площади. Поток людей, спешащих к поездам, или наоборот. Крики, шум машин, запахи фастфуда. Обычный день большого города, в котором уже, наверное, бывшему сотруднику закрытого НИИ, официального места могло и не оказаться. Точинов никогда не считал себя глупым, и жизнь знал хорошо. Конечно, брать билет было бы глупостью, такой

же, как и надеяться на безграничную честность сотрудников РЖД. Необходимый ему поезд отправлялся через час с Казанского. Этот час стал для него самым напряжённым, и только желание сделать то, ради чего Сергей пошёл на тот поступок в Кремле, заставила не выдать себя властям самому.

Человеческая природа всегда возьмёт верх над любыми инструкциями. Эта мысль была последней, мелькнувшей в его голове, когда после Рязани он не выдержал, и заснул в купе проводника, укутавшись в одеяло и положив под подушку «бесшумник».

Глава 2: Кротовка – трасса

Ох, ёшеньки... как спать то хочется!

А думаете очень приятно просыпаться и так-то вот думать? Вот-вот, и я думаю, что не очень хорошо. Как быть в таких ситуациях? Да всё очень просто, нужно порадоваться причине, из-за которой организм натужно орёт о том, что он, дескать, хочет ещё подрыхнуть. Ну да, эгоистичные позывы так и просят не вылезать из-под одеяла, и чего ж, слушаться, что ли их? Тем более что причина, по которой хочется спать... хм, да это, как мне кажется, самая лучшая из всех причинных причин.

Вот она, лежит рядом, раскинув по мягкой ткани свои безумно красивые волосы, которые так и хочется пропустить через пальцы, чтобы ощутить всю их мягкую густоту. И ведь зараза, уже тоже не спит, лежит и смотрит своими хитрыми и ласковыми глазами. Вот как у неё это получается, скажите мне?! Я еле-еле встаю, а она уже довольно улыбается своей сказочной улыбкой так, что все плохие мысли улетают в сторону. Дела-а-а, брат Пикассо, видать – стареешь, не иначе.

Всё, милая моя, встаю, иначе знаю я тебя... чуть отодвинешь в сторону одеяло, так, чтобы на свет божий показался бархатный шоколад бедра, и всё... И вот не надо, слышишь, вот не надо ещё и потягиваться по-кошачьи, ну, пожалуйста...

– Новая жизнь, новая жизнь!!! – Хриплый и давно родной голос певца, ушедшего за облака задолго до миллениума, и чьи песни, наверное, никогда не потеряют своей актуальности и сейчас, в жизни ставшей совершенно другой, хотя... так ли это на самом деле?

Вверх-вниз, вверх-вниз, маятником, на сжатых кулаках. Телу нельзя давать расслабляться, иначе сами не заметите, как оно возьмёт над вами верх, и медленно, но верно, станете дряблыми и рыхлыми. Оно надо? Праааильно, тврищ старший лейтенант, оно нам ваааще не нужно. А потому – отжимания, пресс и прочие радости жизни. Как известно: только кач приблизит нас к увольнению в запас. А нам до запаса ещё служить и служить, и звёзд на погоны хочется хотя бы столько же, сколько и у моей красоты, которая сейчас на кухне чем-то слегка грохочет и еле слышно, под нос, ругается. И ещё говорит мне, что я сумасшедший и с вещами разговариваю.

Ну да, разговариваю, правда, так, чтобы никто не слышал и не видел. А можно не верить в то, что у моего АК-103УМ нет души? Если он неоднократно спасал там, где только чудо могло помочь? Не клинил даже после ползания на брюхе в Топи или Дельте? То-то и оно, что всё возможно. Верят же, вернее, верили, краснокожие великие воины навроде Чингачгука в то, что у всего есть своё маниту? Ну вот, я, может, тоже верю в то, что у некоторых вещей оно есть. У оружия-то точно. И по барабану мне на то, что там кто-то про это скажет. Завтракать? Иду уже, иду...

Сегодня среда, а, значит, задачи командиром будут нарезаны серьёзные. Если в понедельник в основном всё планируется исходя из опыта и наработок разведки, то в среду всё встаёт на свои места. Графики перехода групп рейдеров-бандосов, передвижения лояльных парней, лишь чуть нарушающих лицензии, активность Изменённых банд – всё это в среду становится ясным и понятным. Ну, в основном, ведь исключения тоже бывают.

Сколько уже работаю в команде быстрого реагирования? Почти год, почти целый год. Всё-таки не смог поступить по-другому, никак не смог. Зарекался не ходить в Район, да, видно, не смогу без этого больше. А вот с рейдерством всё же смог распрощаться, ведь то, что мне предложили, оказалось выгоднее. Многие меня осудили, это точно, и зря. Да и выгода была не в том, что можно измерить материально, и уж тем более не в денежном эквиваленте.

Мы оперативники и спасатели, закрываем те бреши, что постоянно возникают в Периметре, а не каратели из внешней безопасности, которые занимаются «зачисткой» неблагонадежных элементов из рейдерской среды. Никто из нас никогда не станет стрелять в бродягу лишь потому, что тот зашёл за какой-то там километр. Наше дело свинец, как говорили персонажи одной старой книжки, и понимали это совершенно также как понимаю и я. Уничтожить группу Изменённых, решивших прорваться в сторону населённых пунктов, и поживиться там чем-нибудь. Или, в случае явной неразумности – просто пожрать от пуза. Принять в несколько стволов «пуритан», так сильно любящих делать свои вылазки в сторону лагерей ученых. Выдернуть тех самых учёных из какой-нибудь задницы, вроде Колымы, куда они полезли из-за собственной неуёмной любознательности. Вот это мы запросто. А вот специально отлавливать рейдеров... это не к нам, это вам вон в ту сторону, где на щите кто-то шибко умный архангела изобразил. Тоже мне, спасители человечества, мать их за ногу.

Интересная штука получается, на самом-то деле. Когда год назад мы с сестрой еле-еле выкарабкались из Радостного, оставив под ним своего друга, братьев по оружию и совсем юную девушку из ФСБ, что тогда было главным? Спаси Скопу, и больше ничего. То, что нас подобрали спецназовцы и по какому-то желанию своего командира доставили к тому, о котором ходило столько легенд, было чудом. Танат вытянул её с того света, смог залатать и надолго оставил у себя, погрузив в глубокий сон. Мне тогда ничего не оставалось, как тоже приходиться в себя, изредка прогуливаться по окрестностям и общаться с этим странным типом, про которого раньше только слышал.

Разговоры были странными и неожиданными. Мужчина с тёмными провалами глаз, три раза в день осматривавший Скопу, мог, казалось, говорить бесконечно. О том, что творится в городе, о новых фильмах и том, что творится в Северной Америке. О российском футболе и о Изменённых, о рейдерах и о политике, о Большой земле и о Украине. Ему всё было интересно, и на всё находилась своя, иногда кажущаяся мне абсолютно неожиданной точка зрения. Чего, например, стоила мысль о том, что големы являются не просто ходячими полоумными танками, а входят, как составляющая, в сложный механизм защиты Района от нарушителей границ? И если разобраться, подумав логически, то в чём-то он был прав. Как бы я не любил лязгающих металлом здоровяков, но нельзя было не признать, что иногда их действия явно носили чёткий и направленный характер.

После того, как ему стало ясно, что Скопа выживет, Танат стал иногда пропадать. Один раз ушёл даже на полные сутки, вернувшись с рюкзаком, в котором были необходимые и закончившиеся медикаменты. Нельзя сказать, что в его отсутствие мне было не по себе, но когда он появился, то беспокойство за сестру стало намного меньше. Странное создание, оказавшееся намного более человечным, чем большинство нормальных с виду людей. Ничего из того, что было обычным для меня, не было чуждым и для него. Прекрасно помню один из последних вечеров, перед тем, как мы со Скопой ушли. Это потом до меня дошло, что в течение практически двух с половиной недель здесь никто не появлялся. И только тогда по спине пробежал холодок лёгкого страха из-за того, что всё-таки Танат не был рядовым обитателем Района, а вёл себя с нами так, как будто знал всю свою жизнь.

Мы сидели на небольшой веранде его дома. Танат не был неприветливым хозяином в быту, несмотря на то, что в Районе понятие «комфорт» – весьма относительно. Не знаю, откуда он смог их притащить, но мы втроём сидели в разных креслах-качалках. Он любил хорошее спиртное, и сейчас вот мы пили «Баллантайн», настоящий шотландский скольки-то там летний самогон из графства Думбартон вприкуску с копчёной натуральной кониной. Адская смесь, надо сказать, но тогда она оказалась самым тем, что было нужно. Да и были мы не на светском рауте, а в бывшем Радостном. Вечер уже вступил в свои законные права, темнело, на небе наконец-то рассеялись низкие тучи и стали видны такие редкие здесь звёзды.

Район... странное место, появившееся вместо моего города. И я люблю его, несмотря на то, что это уже совсем не то место, которое помню с детства. А возможность поговорить с тем, кто живёт здесь, постоянно мелькая в разговорах рейдерской братии как одна из центральных фольклорных фигур... это круто до невероятности.

– Да что ты, Скопа, прям-таки видела бэньши? – Танат залиvisto хохотнул. – Не верю, если честно.

– Чего эт ты мне не веришь?! – Как обычно начала кипятиваться Скопа, затягиваясь сигаретой. Думал, что, может, бросит после двух недель лёжки без сознания, да куда там... – С какого перепуга мне тебе врать?

– Ну, я ж не сказал, что ты врёшь... скорее веришь в то, что видела. Эту девушку увидеть и остаться в живых? Уволь, уважаемая пациентка, но так не бывает. Кэт показывается только тому, кто уже не жилец на этом свете.

– А почему Кэт? – Меня это очень заинтересовало. После сфинкса, которого, или которую, мы смогли уничтожить в подземелье, в бэньши невозможно было не верить. – Ты и с ней знаком?

– Можно сказать, что присутствовал при её втором рождении. – Танат откинулся на спинку своей качалки. – Почему, почему... потому что Катя её звали. Тогда, в прошлой жизни, совсем ещё недавно. Мда...

– Ты с самого начала ведь здесь? – Скопа хитро посмотрела на нашего хозяина. – С самой Волны?

Танат покосился на неё и усмехнулся:

– И что тебе интересно, неуёмная ты натура? Еле оклемалась, а уже наострила уши и пытаешься вытащить из меня что-нибудь, что потом поможет?

– Ну, а как ещё, учитывая, кто ты есть такой? – Скопа улыбнулась ему в ответ, настолько ласково и нежно, насколько смогла. А при желании она улыбалась так, что куда там профессиональным фотомоделям. – Так можно вопросы-то позадавать?

Я покосился на неё, пытающуюся нахально вытянуть хотя бы что-то из Таната и не стал вмешиваться. Скорее всего, что получится узнать лишь то, что ему захочется рассказать, и не больше. Сам я смысла в этом не видел, сейчас мне куда как больше хотелось сидеть, расслабившись, попивать себе янтарное высококалорийное пойло и думать о том, что делать дальше.

Что ждёт нас, когда мы выйдем на Большую землю, вот что действительно интересно. Скопа, ещё не полностью оправившаяся после своего страшного ранения, уже начала, судя по всему, строить какие-то планы на будущие рейды. Что же, её вполне можно понять... натура она действительно неуёмная, и безумно любит то, чем мы занимаемся. И даже то, что произошло, не смогло сломать эту странную любовь. Хотя, а чего тут странного? Наша жизнь, полная адреналина, постоянной опасности и выживания здесь, мне самому очень нравилась. Глупо, конечно, но что поделаешь, если так вот устроен человек, что сам тянется к тому, что является запретным? А ведь последний наш рейд, казалось бы, должен был убить это желание, да не тут-то было.

А, ведь, сколько мы потеряли там, в Радостном? Настя, лейтенант ФСБ, которая так и осталась где-то в самой глубине подземелий. Её напарник, Лёшка, погибший так глупо и так жестоко. Валий и Антон, которые пошли с нами и помогли выжить нам же, оставшись там, в темноте коридоров. И Большой... наш Большой, давший нам один из последних шансов, после того, как мы вместе завалили сфинкса. Там, там, под многими метрами земли, стали и бетона, один против десятков ожесточённых фанатиков...

Только-только оклемавшись, сестра сразу начала рваться назад, чтобы... а вот что чтобы? На это никто из нас не смог бы ответить. Рассудком я давно смирился с тем, что всё, никого из них мы наверняка больше не увидим, но вот сердце, которому это не объяснишь, не молчало. И только слова Таната, которые он произнёс, вернувшись из одной из своих отлучек, заставили

нас принять жестокую правду такой, как она есть. Если про Настю он не был точно уверен до конца, то вот про Большого сомневаться не приходилось: «пуристане» достали его. Он не сдался им живым и сейчас тело нашего друга находилось у них. Как охотничий трофей, вот сраные ублюдки...

Я не стал говорить Скопе ничего про свои мысли, потому что знал, что они её не обрадуют. А мысли постоянно крутились возле одного и того же: может, хватит? Сколько можно ещё продолжать эту гонку за артефактами, которая в результате не закончится ничем хорошим. Ведь всё равно, в конце концов, мы придём к одному концу, и сдохнем где-нибудь у Площади, или в Топи, или на Колыме. Невозможно постоянно играть наперегонки с судьбой, испытывая на прочность самих себя, что и доказал наш последний рейд. Но вот смогу ли оставить Район?! Не знаю, не знаю... это тяжело, на самом-то деле.

В какой-то момент я понял, что Танат, продолжающий автоматически отвечать досужей Скопе, сидит и внимательно смотрит на меня своими глубокими антрацитово-чёрными буркалами. Потом он совсем замолчал, и через какое-то время моя сестра, поняв, что сейчас что-то пошло не так, успокоилась. Забралась в кресло с ногами, завернувшись в клетчатый шерстяной плед, обиженно нахохлилась и прикурила ещё одну.

– Ты не уйдёшь, Пикассо. – Танат чуть грустно улыбнулся. – Можешь попробовать, но уйти не сможешь. И дело даже не в том, что Район нужен тебе как воздух. Это ты нужен городу, хотя понять и принять это будет нелегко.

– Что? – Я недоумённо уставился на него, ставшего в этот момент тем, кем он и был – Изменённым, бывшим мне, человеку чужим. – Что-то, то ли я туплю, то ли лыжи совсем без смазки...

– Да всё ты понимаешь, рейдер. – Танат усмехнулся. – Каждый из вас, оказавшийся здесь, обречён с самого начала. Но кто из вас останется обычным охотником за лёгкой добычей, а кто сможет сделать что-то стоящее... этого никто не сможет сказать точно. Пока не придёт время действовать.

– Вы про что это, а? – Скопа, недовольно поблёскивающая в нашу сторону глазами, решила вмешаться. – Слышь, чего, брат, а прояснить?

Я чуть помолчал, прежде чем ответить ей. Достал сигарету из пачки, покрутил в пальцах, понюхав сладковатый аромат, прикурил...

– Хочу завязать, вот что. – В стремительно накатывающей темноте её лицо было не очень хорошо видно, но всё же стало заметно, как оно ошутимо вытянулось, напрягаясь в гримасе недоумения. – И тебе советую над этим подумать, сестра.

– С дуба рухнул? – Скопа выматерилась. – Какого хрена ты мне тут пургу какую-то прогоняешь, а? И что ты делать будешь, уедешь назад, начнёшь снова покупать-продавать?

– Ну, не знаю... – На самом деле ни разу не задумывался над тем, что делать, если прекращать ходить в Район. Почему-то казалось, что всё образуется само собой. – Можно подумать, тем более что средства вроде как есть...

– Знаешь, что... – Она встала, откинув плед. – А не пошёл бы ты в жопу со своими такими правильными мыслями, а? Не хочу про это говорить сейчас, вот чего, спать пойду!

И пошла в сторону двери, медленно и аккуратно, придерживаясь за перила веранды. Было слышно, как, ругаясь под нос, она дошла до комнаты, в которой спала. Хлоп, и мы остались вдвоём с Изменённым, сидевшим напротив меня. Глядящим на меня своими бездонными зенками и с улыбкой чеширского кота на абсолютно невозмутимом лице.

– Она поймёт, только не сейчас. Не переживай, она простит и поймёт.

– Я знаю. Просто сейчас она больше всего на свете хочет отомстить за друзей, это понятно... – На душе неожиданно стало очень противно, как будто предал её. – И не захочет принять моего решения спокойно. Но что делать?

– Ладно, что тут ломать голову над тем, что разрешится в любом случае? – Танат легко поднялся. – Спать пора идти, завтра будет сложный день.

– Почему?

– Будет и всё тут. – Он повернулся в сторону города, откуда начала доноситься частая стрельба. – Всё повторяется, постоянно одно, и тоже. Там, кстати, сейчас как раз развлекается Кэт. Я чувствую, когда эта девочка выходит на охоту, иногда стараюсь помешать ей. Хотя это редко получается, с нашим хозяином и его волей мне не сладить...

– С кем? – А вот это уже действительно интересно. Мало того, что бэньши существует, так у неё ещё есть хозяин?!

– С кем надо. – Неожиданно отрезал Танат. – Пикассо...

– Что?

– Помни, что я сказал тебе про Район. Ты ему нужен, также, как и твоя сестра...

Что оставалось сказать на такое? Вот и я не тогда не смог ничего ни спросить, ни ответить. И до сих пор мучаюсь над тем, что хотел сказать этим Изменённый.

Через неделю мы ушли. Скопа, всё ещё дующаяся на меня, шла хорошо, последствия ранения практически не сказывались. За нами пришёл тот самый Следопыт, на деле оказавшийся вовсе даже Егерем. Он провёл нас по абсолютно незнакомой мне тропе, которая вывела к старой заправке, от которой в сторону Кротовки уходил сохранившийся асфальт дорожного покрытия. Блокпосты Периметра остались позади, и до дома мы добрались без приключений.

Что сказать... было нелегко. Когда находишься в Районе, то постоянное напряжение нервов не даёт тебе окунаться в переживания с той глубиной, с которой бы хотелось. А вот вернувшись – откат, полученный от них, зачастую превосходит все мыслимые ожидания. Этот раз исключением также не стал, скорее наоборот.

Несколько дней подряд мы просто пили в «Солянке», начав спускать то, что успели заработать за несколько месяцев. Сдобный, который всё прекрасно понимал, в результате запретил брать с нас деньги и подрядил двух своих вышибал контролировать тот момент, когда нас со Скопой начинало нести и отправлять наши практически бездыханные тела домой. Нас никто не пытался задирать, понимая, что сейчас это будет чревато. Те самые Бек с Жаном, с которыми мы так и не успели подраться перед последним выходом в Радостный, прониклись этим вообще, по самое не хочу. Они постоянно находились рядом и, как-то раз, даже самолично набили морды каким-то туристам, решившим пристать к Скопе. В общем – все нас понимали, жалели и старались накрыть волной любви и понимания.

Пить нам надоело довольно быстро, тем более что как ни старайся, залить эту боль и потерю ничем не удавалось. На какое-то время я так вообще закрылся сам в себе, стараясь лишний раз не выходить из квартиры, сперва, как казалось, ненадолго. Скопа отходила также мучительно, но более агрессивно. Придя в себя после почти недели заливаний спиртосодержащих, она отправилась в Район с Соколом, несмотря на то, что просил её этого не делать. Но она не стала слушать, заупрямившись и наорав на меня, а я... я не смог отправиться с ней.

Что-то надломилось внутри, что-то очень важное. Каждую ночь, выходя на улицу и смотря в сторону розового неба над Радостным, мне хотелось оказаться там. Вновь ощутить пронизывающий ветер, постоянно дующий у Черты, почувствовать запах сгоревшего пороха и толчки отдачи в плечо от стреляющего АК. Увидеть перед собой врага, без разницы, умеющего думать, или нет. Пройтись тенью вдоль самых опасных мест, чувствуя хребтом, как пробегает по нервам редкая и позорная дрожь. Вернуться в него... но нет. Дни шли, Скопа возвращалась, бросала на пол трофеи, а в стиралку грязные, пропитанные потом и кровью вещи. Залезала в душ, а потом садилась в кресло напротив, закутавшись в старый халат, дымила сигаретами и рассказывала, рассказывала. Её не отпускало, но она хотя бы старалась выместить неугасающую злобу и ненависть, в каждом рейде отстреливая хотя бы по одному «пуританину», против

которых объявила форменный крестовый поход. В скором времени с ней стала ходить лишь команда Сокола, считавшего нас даже ближе чем простыми друзьями. Остальные, даже явно влюблённый в неё Лебедь, рисковать не хотели. Воевать с «серыми» в Районе было сущим самоубийством. Но она хотя бы пыталась что-то делать, а вот я...

Потом меня вызвали в местное отделение Конторы, к офицеру, которого я никогда здесь не видел. Был долгий разговор, в котором в основном звучал мой монолог, лишь изредка прерываемый вопросами собеседника. Что и как произошло, что случилось с Ефремовой, с её командиром, как там оказались пиндосы? Куча вопросов последовала после того как я замолчал, и на многие из которых ответить было невозможно. В какой-то момент хмурый и уставший человек, сидевший напротив, понял, что больше я не смогу ничего сказать, и меня отпустили. Самое удивительное, что с меня просто взяли подписку о невыезде и неразглашении... хотя что я мог разгласить? Не знаю, может и мог бы, но наверняка никто не поверил бы в это. А когда мне выдали две пластиковых карты, которые при проверке оказались заполнены тугриками под завязку, то вот тут просто растерялся. Но возвращать их естественно не стал, обналичив обе и убрав деньги всё ещё безумствующей в очередном рейде сестры в сейф Сдобного.

Понимая, что нам с ней нельзя сейчас находиться рядом, съехал, оказавшись в небольшой однокомнатной квартирке. Специально подобрал её так, чтобы окна выходили в ту сторону, где до сих пор полыхали газовые факелы моего города. И стал жить, ничего не делая, стараясь не встречаться с теми, с кем не так давно бок о бок ходил в рейды. Меня грызла тоска, поедом жрали отчаяние и стыд за то, что выдохся. И накатывало временами странное и страшное ощущение того что, возможно, это мне нужно было остаться вместо Большого там, под городом. День за днём, они текли мимо, одинаково серые, монохромные, наполненные лишь бесплодными тоской и жалостью. Маленький бар в старом мебельном гарнитуре-стенке никогда не пустовал, но разнокалиберные ёмкости в нём стали меняться всё чаще. Было очень стыдно перед Скопой, которая, вернувшись из Радостного, сначала искала меня, а потом, ворвавшись разъярённой бурей орала, размахивая руками. И плакала, уткнувшись в моё плечо, говоря что-то про то, что боится за меня. Это было правдой, потому что самому становилось страшно от каждодневного и бесконечного Дня сурка, в который загнал себя сам.

А потом случилось чудо. Я просто слонялся по улицам этого большого посёлка, или маленького городка, кому как, подумывая о том, чтобы всё-таки собраться с силами и уехать. Дальше оставаться здесь было невыносимо. Последняя встреча с сестрой закончилась очередной ссорой, после которой она вновь расплакалась и ушла, оставив меня наедине со стаканом и мыслями. Шёл, не глядя по сторонам, задел кого-то плечом и двинулся дальше, даже не подумав извиниться, пока меня не окликнул очень красивый и чрезвычайно разъярённый женский голос. Первое, что увидел, оборачиваясь, были очень яркие и злые глаза с длинными и пушистыми ресницами. Второе... летящий прямо мне в лицо небольшой, но умело сжатый и уверенно направляемый кулак.

Найти её оказалось просто, Кротовка никак не тянет на мегаполис. Сложнее было попробовать объяснить майору федеральной службы безопасности то, что хотел ей сказать порядком поистрепавшийся бывший вольный бродяга. Ну да, куда как странная ситуация, понимаю. Но я всё же попробовал, хотя для этого мне пришлось приложить все свои дипломатические способности. Правда сделать это получилось только спустя неделю, так как прийти в себя и вернуть относительно нормальный вид, оказалось сложновато. Поглядев в последний раз на себя в зеркало, висевшее в небольшой ванной, проведя рукой по в кои-то веки гладко выбритой щеке, я отправился на randevu к чуду. Можете представить уровень удивления в её глазах?! И, как ни странно, но вместе с ним мне-то ли почудилось, то ли на самом деле увиделись интерес и одобрение.

Бить она меня больше не пыталась, но все домогания отвергала, вместе с цветами и приглашениями отправиться куда-нибудь и вместе поужинать. В конце концов, мне стало ясно,

что дальше так продолжаться не может. Самым наглым образом, посреди белого и рабочего дня, впёрся в её кабинет, закрыл дверь на защёлку и решил ничего не говорить. В конце-то концов – кроме порции свежих звездюлей и нескольких суток в «обезьяннике», что могло мне грозить? Кто волков боится, тот, как известно, на «Вдову Клико» рассчитывать не должен. Да и не мог я больше, глядя на её лицо, не попытаться... а утром следующего дня, по счастью субботы, уже смог любоваться на неё, тихо и мирно спящую рядом.

И на какое-то время пустота отпустила, и мир вновь стал цветным. Безумный подарок судьбы, свалившийся мне на голову и ударивший кулаком в нос, оказался тем, чего, как оказалось, так долго не хватало в жизни. Простая теплота, которой не было столько лет, глаза напротив, безграничная нежность, прятавшаяся за звёздами на погонах и напускной повседневной строгостью. Мы просто гуляли по небольшому парку каждый вечер, пили вино, могли молчать подолгу, просто сидя напротив друг друга. Счастье, которого, как я тогда думал – абсолютно не заслуживал, нашло меня само. Но было и ещё кое-что.

Оставались сны, но сны, которые выгнать из головы было невозможно. Доктора, к которым я обращался, помочь ничем не могли. Каждую ночь, снова и снова, мы ходили в Район. Мы трое: я, Скопа и живой, надёжный и сильный Большой. Просыпался в холодном поту, понимая, что готов кричать и рваться, бежать куда-то в бесплодной попытке помочь, догнать, спасти... не знаю, насколько бы меня хватило. Она была рядом, обнимала, прижимая к себе и мягко глядя по голове. Наверное, только это не дало мне тогда сойти с ума, когда сны стали приходить постоянно, и рассудок уже не выдерживал постоянного боя внутри самого себя.

Она пыталась мне помогать, окружая теплом и лаской, единственным, что могла дать. И в какой-то дождливый осенний день, смотря на меня, так не кстати заснувшего днём и вновь крутящегося маятником, предложила пойти работать в госструктуру. Я отказался. Но она попыталась снова и снова, не сдаваясь и настаивая, понимая, что только это сможет помочь. Объясняла про то, что создаются специальные группы спасателей, которые будут не просто патрулировать Периметр, а вытаскивать тех, кто попал в беду. Понимала, что вина, которая гложет меня, может хотя бы заснуть где-то внутри, сжаться до размеров горошины, если буду делать для других то, что не смог сделать для моего друга, моего, хоть и не по крови, брата. Мягко и настойчиво, изо дня в день, говорила, растолковывала, старалась пробить ту ледяную корку, что выросла на мне. Ей удалось, и в какой-то момент я решился, надумал, что может быть и стоит попробовать. Проснулся одним пасмурным осенним утром, и пошёл в сторону двухэтажного кирпичного здания на территории городка силовиков.

Обучение, короткое и жёсткое. Многие было простым, кое-что сложным, но и оно подошло к концу. Через два месяца, поглаживая пальцами три полевых, шитых нитками звезды на бегунках камуфлированного костюма, я получал свой первый инструктаж в роли заместителя командира одной из групп быстрого реагирования. Через несколько часов после этого – в первый раз за многие месяцы оказался возле Черты. Я смог, справился и вернулся всё же в него, проклятый и любимый мною Район-55...

Мы таскали из-за черты группы военных, попавших по самые помидоры, спасали репортёров и просто гражданских дураков, молодых и не очень, решивших погеройствовать и полезших через Периметр. Вытаскивали патрули вояк, и перекрывали те зоны, через которые к Периметру шли Изменённые. Каждый второй из нас в прошлом был рейдером, которому сейчас списали все грехи, выдав разовую индульгенцию, которую каждый из нас и оплачивал. С головой ушёл в это, возвращаясь домой уставшим, голодным, но полным того непередаваемого ощущения, которое всегда дарил мне Радостный после Волны. Я снова находился там, где хотел быть, пусть и оказался с другой стороны баррикад.

Случались конфликты, которые приходилось разрешать честно, один на один. Многие рейдеры перестали здороваться, считая меня – то ли предателем, то ли ещё каким шакалом.

Так же, как и остальных таких же ребят, в какой-то момент решивших прекратить безудержную гонку за наживой, но так и не нашедших силы уйти от Района. Но, если честно, мне было откровенно наплевать на всю ту хрень, что мне пьяно кричали в спину. Да, было больно от того, что не мог общаться с сестрой, которая очень остро переживала изменения в моей жизни. Но мог ли отказаться от того, что приобрёл? Нет, потому что моё чудо продолжалось, и если для этого нужно было носить погоны и ловить совсем уж зарвавшихся рейдеров, то я был готов это делать.

Мой мир стал другим, и мне было хорошо от этого, и хотелось верить, что всё так и останется на своих местах...

Задачи были нарезаны, и пришлось топтать в сторону техпарка, чтобы проверить те два «бэтэра», что сегодня входили в состав группы как транспорт. Командир остался проверять личный состав, его экипировку и прочее. Мы доверяем друг другу, но лишний раз проверить собственное снаряжение перед боевым выходом (а у нас все такие) никому не повредит. А вот мне, как младшему по званию, досталось идти и общаться с ленивой «мазутой», которые сейчас наверняка начнут переводить стрелы друг на друга. А куда деваться, товарищ старлей? Правильно, с подводной лодки никуда не удерешь, и, значит, нужно попинать этих лентяев.

Взяли меня на самом подходе к парку, чисто и аккуратно. Никто ничего и не заметил. Практически из воздуха соткались трое архаровцев в чёрном, заломили руки за спину и повели на жёстком захвате к небольшому фургону-«воронку». Никаких объяснений, кулаком под дых на мои попытки возмутиться и начать качать права. Руки затянули эластичными наручниками, так, что и захочешь, но ничего и не сможешь сделать. Везли недолго, минут пять. Когда откатилась дверь, то стало ясно, что автомобиль сразу въехал в закрытый бокс.

Очень грубо заставили пройти в дверь в самом углу и подняться по лестнице наверх. В кабинете с закрытыми плотными портьерами окнами, сидело трое. При виде их мне стало не по себе, и было с чего. Если майор Захарчук, отвечавший за внутреннюю безопасность, был мне хорошо знаком, то вот двоих полкашей видел точно в первый раз. Было заметно, что эти двое ещё те осьминоги, которым ничего не стоит распотрошить любого, вот только вопрос – на хрена им потребовалась моя скромная персона?

А ответ пришёл быстро, причём вместе с вопросом, как не парадоксально это прозвучит. Один из полковников, не заморачиваясь представлениями и нормальным обращением к целому старшему лейтенанту, выпалил в лоб и сразу:

– Где можно найти Сдобного?! Живо!!!

– Чего? – Вот тут я и охренел. – Какого нахер Сдобного, товарищ полковник?!!

– Ты сейчас вообще подумал, прежде чем это ляпнуть? – Захарчук подошёл ко мне. – Ты что думаешь, лейтенант, что надел звёзды и все сразу забыли то, кем ты был? Сдобный, дружба твой закадычный, владелец кабака и барыга, по-чёрному толкающий стволы, артефакты и прочую хрень. Помнишь такого?

Он смотрел на меня, не моргая, зло и выжидающе. Что там было в глазах полковников не знаю, не до того мне стало, если честно. Никогда не считал себя праведником, хорошим человеком или правильным пацаном. При знакомстве с незнакомым человеком всегда предупреждал про то, что являюсь изрядной сволочью, скотиной и подонком. Выгораживать кого-либо, если это грозило неприятностями мне, близким и друзьям, наверное, никогда бы не стал, не знаю, не доводилось мне стучать и доказывать, что форму доклада знаю. Да и не Штрилиц я ни хрена, или героический партизан там, но... Сдобный? Нет уж, чудовища в звёздах, болт вам, а не то, где можно поискать моего друга. Пока смогу молчать, то ни хрена ни скажу...

– В «Солянке» не пробовали посмотреть, товарищ майор? – Голос вроде не был издевательским, обычный такой был голос, но один из полкашей аж взвился.

– Отвечать, лейтенант, бля, где можно искать Сдобного, если он решил лечь на дно?

– Да откуда я знаю?! – Пришлось заорать в ответ, старательно показывая всё возможную честную белизну и пушистость. – Я его уже полгода не видел!!!

– Решил, что отвертись, Пикассо? – Полковник, которого про себя уже окрестил «пузаном», вновь подошёл ко мне. Эва как, аж погонялу решили вспомнить, вот чего бойся то... – Так не получится, товарищ уже почти бывший старший лейтенант. Вы нам всё расскажете, дорогой вы наш собеседник. Всё-всё, даю вам честное слово офицера, который защищает интересы нашей с вами родины.

Ну не дурак человек, а? Мало того, что для начала пригнали сюда как скотину тупую, так и допрашивают, ну прям как в кино. Того и гляди, сейчас второй полкаш, который всё молчит, начнёт корчить из себя доброго и хорошего дяденьку, решившего помочь плохишу снова стать Мальчишом-кибальчишом, ага. И ведь самое интересное во всей этой немного театральной байде, что так оно и будет, наверное, щас вот «пузан» ещё порет чуток, слюнями меня всего забрызгает, карами страшными пригрозит, и тут – оба-на, появился нормальный, за ногу его, полицейский. Так и случилось.

– Ты чего себе там в голове-то своей недалёкой придумал, быстрый гонец?! – Пузатый навис надо мной, красный, выпучивший свои глазёнки и реально брызгающий слюной. Прям, сука, как бульдог хранцузский, что живёт у соседки снизу, разве что не сопит и не хрюкает как тот шерстяной половик. – Думаешь, не за что тебя на кукан посадить, рейдер? Чего молчишь?!!

– Вы ошибаетесь, товарищ полковник... – Так, выпрямимся, гордо так, и с видом оскорбленной в лучших чувствах кучером Потапом воспитанницы института благородных девиц, оказавшейся в поисках чистой любви на сеновале. – Я уже дано не рейдер, хотя и не буду отриц...

– Что ты отрицать мне тут не собираешься, а?! – Полкаш взревел, заставив меня чуть отклониться назад, чтобы не попасть под звуковую волну и брызги, которые летели в мою сторону. – Шваль, которую по неусмотрению взяли на службу! За одно дело с нашими ребятами, которых ты с сестрой и вашим здоровым дружком-дебилем подставили и бросили в Радостном – срок такой впаяем, что «вышке» обрадуешься! Ты что думаешь, что если тебя в реагирование взяли через одну бабу, на передок слабую, то всё забыли? Хрена те на, дружок, ошибаешься...

А вот это он зря сказал, урод толстопузый, ой и зря. Мало того, что помянул того, кто погиб прикрывая нас с Настей, так ещё и по счастью моему так прошёлся? Не знаю, понял ли полкаш то, что сейчас спорол, но на какое-то время он заткнулся. Со стороны себя не увидишь, но выглядел я сейчас, надо полагать, страшновато.

– Так, Костя, прекрати. – А вот и добрый полицейский вышел на сцену. Вот скажите мне, товарищи, что такого вообще стряслось вдруг, что прискакали к нам ажно два целых полковника и давай разоряться перед одним бывшим рейдером? И что такого мог толкнуть налево Сдобный, что его всё-таки решили взять за жабры, а? – Послушайте, лейтенант, давайте не будем глупить и думать, что мы эсесовцы. Ведь на самом деле, подумайте, наверняка всё это не зря. Вы, как-никак, присягу давали, хоть и давно, но сейчас-то снова на службе. Раз сказано вам, что надо поделиться информацией о возможном нахождении гражданина Пышкина, так уж будьте добры, поделитесь. Знаете, ведь, точно знаете – куда мог пойти, где сейчас скрывается, и так далее. Поможете?

Нет, вы только посмотрите на них, артистов погорелого театра имени маэстро клоунады и пантомимы Асисяя, клоуны, ёпта. У меня даже закралось сомнение в их состоятельности, как настоящих «безопасников», или кем они там являлись. Всё выглядело именно как глупая и бездарная сцена в каком-нибудь сериале, не сравнить с общением хотя бы перед тем, как я нацепил погоны, будь они неладны. Чёрта с два оказался бы здесь, свалив куда-нибудь, или сумев вернуться к своей бывшей работе. Ладно, хоть, что пока всё так идёт... а не форсировано, ага. Просто сидя перед ними, могу долго языком трепать и отнекиваться, а ведь если возьмутся серьёзно? Не уверен я в том, что не начну сливать всё, что только можно слить. И ладно, если психотропный препарат какой-нибудь вколют, а то мало ли?

Полковник, бывший в отличие от товарища пусть и не тощим, но намного более подтянутым, тем временем терпеливо ждал моего ответа. Ну а что, уважаемые мои гестаповцы, потяну ещё чуть времени, пока даёте. Захарчук, который временно самоустранился, встрепенулся, когда я повернул к нему голову:

– Говорить собрался?

– Может, наручники снимете? – Руки, если совсем уж честно, затекли просто невероятно. – И это, курить здесь можно?

– Вот сука! – Толстяк ухмыльнулся, разом потеряв весь свой разгневанный вид и показав, наконец-то, своё настоящее лицо, спокойное, холодное и расчётливое. – Решил типа мозги нам повыносить, ну ну...

И вот тут мне и стало страшно. Оперетта с либреттой, или береттой, бог её знает, как правильно, явно закончилась. Захарчук неожиданно сник, глянув на меня с чётко видимой жалостью, от которой внутри резко оборвалось, а потом заколотилось с удвоенной силой. Полковники переглянулись с таким людоедским выражением в глазах, что сразу стало ясно, что всё действительно было лажовым спектаклем, который просто притупил мою бдительность. Сам-то, дурень, расслабился, подумал, что сейчас смогу ещё чуть попарить им мозги, а им это и было нужно. Раз решил время потянуть, то что? Именно, наверняка что-то, да знает. И это было правдой, так как куда мог отправиться Сдобный, знало всего несколько человек, и я был в их числе.

– Покурить захотел... – Поджарый улыбнулся, да до того паскудно, что мне стало ещё хуже. – А чего? Захарчук, да ты дай ему сигарету, вон, прямо в зубы, пусть покурит. Тоже мне, дел то напоследок.

Майор достал из кармана пачку «Петра», вставил сигарету мне в рот, щёлкнул зажигалкой. Сжав фильтр зубами, и прикурив, я постарался затянуться так, чтобы не закашляться. Надеюсь, что у меня на лбу пот не выступил, так как почувствовать это не получалось. Я не трус... но я боюсь, и именно так. А вы, думаете, на моём месте не тряслись бы мелкой дрожью, выдавая себя ходящими ходуном коленями? Никто ничего не пообещал, но что тут скрывать – про методы дознания и получения необходимой информации в некоторых ситуациях у нас в стране наслышаны все, надо полагать. Ждать, что мне как реально персонажу героической сказки времён писателя Гайдара дадут бочку варенья, и, в придачу, ящик печенья в голову не приходило. Вот то, что в морду дадут, и ливер отбить могут, эт запросто. Ох, ё-ё-ш-е-н-ь-к-и-ё-ё, эх и попал же я...

Пузатый полковник поднял трубку, ткнув всего лишь в одну кнопку, и рыкнул в неё, вызывая какого-то Савельева. Ком адреналина, висящий где-то между внутренними органами, быстро и радостно завращался, весь в ожидании какой-то гадости. Навроде амбалов в клеёчатых фартуках с медицинскими пилами, наборами «Домашний мастер-костиломастер» или «Начинающий хирург-садист-стоматолог». Сзади чуть слышно скрипнула дверь, и надо мной кто-то завис.

– Давай, бери орла этого обоссавшегося, сажай в «воронок» и жди нас. Сейчас выходим и в Центр, понятно?

– Так точно, товарищ полковник. – Сзади гулко пробасил кто-то явно очень большой и сильный, после чего меня очень неаккуратно, рывком, подняли на ноги и, вернув в то же положение, в котором и привели, отправили вниз по лестнице. Ладно, что хоть на голову ничего не нацепили, наверное, чтобы успел перед смертью порадоваться видом потёртых и обхарканных ступеней. Надо же, такая серьёзная контора, а мыть лестницу некому, вот непорядок-то где! Думаете, что крыша поехала со страха? Да кто ж его знает, по какой причине у меня в тот момент в голове вертелось такое вот дерьмо...

Мы ехали минут десять, двигаясь с хорошей скоростью вперёд, в Центр. Трое конвоиров, тех самых здоровяков в чёрном, молчали. То ли характеры у них были невесёлые, то ли просто усели надоеть друг другу за время совместной службы, хрен их знает. Тоже мне люди в чёрном, ёпта... да-а-а, брат Пикассо, а ведь вляпался ты. Вот так вот и заканчивается всё хорошее, неожиданно-негаданно и до жути подло и безнадёжно.

В голове крутились какие-то абсолютно глупые мысли, в основном связанные с тем, что всё обойдётся. Что там ждало впереди, пока было неясно, и ведь всё может быть. Хотя... вряд ли что-то хорошее, это точно. Сдобный-Сдобный, что ж ты, брат, натворил-то такого, а?

Д-А-А-А-Н-Г-Г!!! Впереди раскатисто грохнуло, «воронок» разом заскрипел, тормозя, меня кинуло вперёд, больно впечатав в металл борта. Конвоиры, вцепившиеся в сиденья, удержались, но ненадолго... и было с чего.

Так-так-так-так-так... металлический стук и свист, звон вылетевших двух небольших окошек, лязг по полу, такой знакомый лязг от прекративших полёт и превратившихся в комочки пуль. Товарищей в чёрном уже не было, вместо них были три сломанные куклы в измочаленных точными попаданиями костюмах. Как так можно, скажете вы? Да очень просто, если стрелять по тепловизору и знать, кого нельзя зацепить. Правда есть ещё одно, самое важное – сам стрелок. Кто это мог бы быть, интересно? Но почему-то, уж не знаю почему, мне сразу стало понятно то, кто выполнил всю эту сложную затею.

И когда чуть позже боковая дверь откатилась, пропустив в первую очередь ствол такого знакомого АК-103 УМ с серым дульником, я обрадовался, но вовсе даже не поразился. А удивляться Скопе, оказавшейся внутри машины сразу после Сдобного, мне уже и не подумалось.

– Целый?! – Голос сестры чуть дрожал, руки быстро пробежались по моей одежде.

– Да целый, целый, всё хорошо. – Как же я рад был её видеть! – Вы откуда?

– От верблюда, бля. – Сдобный, матерясь, освобождал мне руки. – Давай вставай, узник застенков гестапо, и на выход, шевелись быстрее, двигаться надо!

Легко сказать – шевелись, когда столько времени пришлось сидеть. Про руки я промолчу, потому как когда они, наконец, начали приходить в себя, то было очень неприятно, если мягко выразиться. Ну, да и хрен с ними, самое главное сейчас понять, что к чему и действовать. Потому что без этого останется только сесть на пятую точку и ждать пока не прилетят вертолёт с Кротовки и не уничтожат нас прямо тут.

Понять вышло быстро, и много ума прикладывать не пришлось. Ну а кого можно было ещё ожидать увидеть? Правильно, Сокола-со-товарищи. Ну, спасибо вам, парни, ничего не скажешь. Кроме них рядом со Сдобным стоял незнакомый мне мужик уже немолодого возраста, одетый в армейский комбинезон, с таким же, как и у большинства присутствующих «калашниковым» и всей необходимой амуницией. Всё было очень новым, чистеньким и блестящим, что легко выдавало принадлежность к закромам Сдобного. Дядька стоял спокойно, наблюдая за куском дороги, который был виден за поворотом, на котором парни и встретили конвой, торжественно везущий меня на инквизиторские экзекуции в Центр. Так, а что у нас со второй машиной?

Мда... даже немного жаль, если быть до конца честным. От седана «Волги-300» ничего и не осталось, лишь дымящийся остов. Пойти на такое? Да что же творится то, кто мне скажет? Если те рейдеры, что были одними из самых лояльных и старались просто не переступать все возможные установления и положения пошли на аннигиляцию федералов, или кто они там?! Охренеть не встать, вот и всё, что ещё тут добавишь... а вот жаль, всё-таки, что тот урод, который назвал ЕЁ чуть ли не последней шлюхой, погиб. Жаль. И не надо думать, что я последний поддон, просто такое нельзя прощать, никому и никогда.

– Одевайся, Пикассо! Да что с тобой, ты чего тормозишь то?! – Сдобный смотрел на меня с такой укоризной, что мне стало по настоящему стыдно. Тупить нельзя, ни то время, не те обстоятельства.

Сестра уже открыла большой рюкзак на станке, и залезла в него руками, выгребая из него... надо объяснять, что она выгребала?

Мой «рабочий» комбинезон, шлем, разгрузочный жилет, стволы, эрдэшку, ботинки. Всё то, что оставил, уходя, и не думал одеть хотя бы ещё раз, взять в руки, почувствовать ставшую такой родной тяжесть. Как же я соскучился по всему этому, Господи ты Боже мой!!! Только почувствовав, как плечи мягко обняли защитные вставки, плотно прилегшие к телу, как обхватило грудь регулирующимися ремнями бронезилета корпуса, понял это. А когда взял в руки своего чёрного и верного друга с уже закреплёнными прицелом и подствольником, вставил свой любимый первый диск и передёрнул затвор... чёрт! Именно этого не было в группе, чувства моей свободы, ощущения своей настоящей сущности и призвания...

– Вертушки поднимаются, бродяги... – Барин посмотрел на нас. – Пора двигать, нахрен, а то кирдык нам придёт.

– Всё, двинули... – Сдобный кивнул в сторону пролеска, который через километр переходил в весьма солидные заросли. – Бегать не разучился, товарищ старший лейтенант?

– А не пошёл бы ты?

– Ну, как скажешь. – Друг усмехнулся, опуская забрало шлема. Прицел автомата, совместимый с системой определения и наводки хитрой начинки нашей защитной экипировки, моргнул зелёным диодом, доказывая полное совмещение. – Значит двинули...

Глава 3: трасса – Периметр

Трава возле Радостного сразу показывает то, что ты приближаешься к Району. Небо ещё может попытаться и обмануть, прикидываясь голубым и чистым, а вот трава никогда не обманывает. Она здесь серо-стального цвета с совсем лёгкой зеленцой, всегда чуть пожухлая, как-то ненатурально сильно подрагивающая под самым лёгким ветерком. Если ты вдруг увидел впереди яркую, как на картинке, полянку, то стоит подумать – а чего это она здесь делает вообще? Как правило, такие мысли могут спасти жизнь даже самым неопытным бродягам, которые хотя бы стараются думать головой, а не только есть в неё.

Какая вроде бы разница, как идти по ней, осторожно, наступая так, чтобы не наступить на какой-нибудь сюрприз, будучи рейдером или в качестве военного? А ничего подобного, скажу я вам, разница велика. В группе хочешь – не хочешь, а большую часть пути до Района преодолеешь на броне, прыгнув лишь у самой Черты. И можно потерять тот самый момент, когда собственный внутренний датчик опасности включится, лишь краем глаза зацепишь стальной отблеск густого колышущегося ковра впереди. Чем это чревато? Да много чем, в первую очередь тем небольшим моментом, когда организм сам настраивается на то, что нужно быть в сто крат осторожнее, поступать намного серьёзнее и думать быстрее, чем в нормальном мире и обычной жизни. Если ты расслабился перед Чертой, то считай, что на пятьдесят процентов покойник. Или даже на все сто, ага.

А если зайти со стороны Кротовки, то и травы не нужно, ведь есть факела. Три высоких металлических решётчатых сооружения, стоящих уже скоро век, и на самых макушках которых никогда не гаснут чёрно-рыжие дымные огни. Но мы заходили не оттуда, понимая, что это будет слишком нагло. Трассу выбирал Барин, который как проводник был самым лучшим и опытным, натуральным Соколиным глазом, или ещё каким-нибудь там индейцем гуроном. Доверяли ему полностью, и раз сказал, что идём в сторону той части Радостного, которая называлась смешным словом Привет, то значит туда и идём.

Нам повезло на трассе, смогли уйти с хорошей скоростью и незаметно. Небольшой грузовик, который команда оставила за километр от трассы, на старой грунтовке, помог скрыться быстро. Момент, когда вертушки, поднявшиеся с аэродрома, дошли до чадающего факела «Волги», мы встретили у старого сахарного завода. Загнали бибику в разрушенный цех, и дальше двинули на своих двоих. Да так, что мне пришлось признаться самому себе, что в чём-то Сдобный был прав: всё-таки повадки рейдеров способствуют более быстрому бегу, чем работа в ГБР.

Пока тряслись в машине, времени разобраться с тем, что происходит, не было. Приходилось хвататься за всё подряд, чтобы просто не выбить зубы или не сломать чего-нибудь. Меня интересовала персона непонятного мужика, который смотрелся в нашей банде несколько... странно, что ли? Возраст, лицо, украшенное явно дорогими очками, немного неуверенно чувствующий себя в комбинезоне. И очень уверенно обращающийся с оружием, что не вязалось с ним ещё более сильно. Почему-то казалось, что именно в нём и заключается та самая загадка, из-за которой вся каша и заварилась. Так оно и оказалось, как выяснилось чуть позже.

– Как вы там оказались, сестра? – Я посмотрел на неё, всё более чётко ощущая то, что всё вернулось на свои законные места, и теперь не будет больше снов и страха перед Районом.

– Как, как... задом об косяк, как же ещё. – Она усмехнулась. – Зазноба твоя помогла, а что ты думал-то? Каким ещё макарон мы смогли бы чего узнать?

– Да уж, брат, скажу я тебе одно – повезло, и всё. – Сдобный поправил ремень разгрузки, подвинув один из подсумков на положенное место. – Мы девушку на время спрятали, так как ведь сразу её подтянут. Не переживай, не найдут. А если не вернёмся из Района, то ей помогут выбраться, я уже всё подготовил.

Твою-то мать... вот тебе и радость. Спасла, просто спасла, пожертвовав тем, что у неё было, всем пожертвовав. Ведь тех, кто вёз меня в Центр, парни раскатали в лепёшку, не задумываясь, а шишками они, судя по всему, были солидными. И как теперь быть – ума не приложу. Что делать, как устроить...

– Ты не переживай. – Сдобный хмыкнул. – Ты ж, думаю, не принимаешь нас за полубезумных придурков, которым башни поносило и они решили объявить джихад государственным служащим? Тут такое дело, брат, что хоть стой, хоть падай. Если мы сделаем то, для чего тебя вытащили, то ничего и никому не будет... наверное. Может, даже все грехи простят и медалью дадут. Ну, а если наоборот, то волновать это будет разве что кого другого, так как мы с тобой точно будем телами с температурой намного ниже, чем сейчас.

– Ты про что вообще, а? – Мой мозг грозил взорваться и вылететь если не космос, то в стратосферу точно. Все эти непонятности уже начинали выводить из себя. – Может, хотя бы объясните – чего да как?

– Это тебе вон, профессор объяснит. – Скопа, воспользовавшись передышкой, решила провести её с толком. То есть подымить. – Познакомься, кстати, профессор Точинов. Имени-отчества не сообщает, умничает, оскорбляет девушку всякими непонятными словами типа фемм-фаталь, но вообще ничего так дядька. А, да, чуть не забыла, он первый работал на том самом объекте, из-за которого наш с тобой родной город и стал тем, что есть. Демиург, так сказать.

Сказать, что я что-то понял из этой непонятной тирады, значит, было тупо наврать. Профессор, который работал на объекте самым первым... каком объекте то? Скорее всего, что даже через опущенный на лицо бронепластик забрала было заметно, как моё лицо напряглось в поисках разгадок всех этих ребусов. Точинов покачал головой и начал рассказывать.

Как вы думаете, интересно ли было вам узнать то, откуда на самом деле люди появились, и не про то, чем нормальные мужчина и женщина наедине занимаются. А вовсе даже про давно тянувшийся спор церкви, науки и безумных поклонников зелёных человечков с Альфы Центавра. Вот-вот, и мне было также интересно слушать про то, что стало причиной появления Района, Периметра, Изменённых и всей прочей байды, которая мою лично жизнь изменила бесповоротно.

Профессор объяснял чётко, кратко и очень доступно. Пару раз мелькнули выражения типа «митохондриальные связи» и «генетические врождённые механизмы биологической защиты», но не более того. Слушать было очень интересно, тем более что Точинов явно старался донести до меня как можно больше информации. И, не смотря на то, что говорил он это не один раз, судя по всему, не было ни недовольства очередным тупым рейдером, ни попыток что-нибудь сжать или скомкать. Рассказ был хоть и кратким, но очень информативным.

Объект «Ковчег», который обнаружили около трёх десятков лет назад, и ставший отправной точкой в локальной катастрофе, уничтоживший город и его жителей. Вот, оказывается, что было самой главной целью прошлогодней операции ФСБ, провалившейся из-за предательства. Именно так полагал профессор, опираясь на собственные выводы и неизменившейся ни на каплю ситуации в Радостном и его окрестностях. Несколько сущностей, находившихся в нём, и про которых сначала случайно, благодаря отрывочным съёмкам камер слежения и направленных замаскированных микрофонов внутри объекта, узнали военные. Перехватываемые и не доводимые зачастую до тех, кто должен знать, шифровки и указания из самого Района. То, про что мало знавший Лёшка, бывший ненастоящим оператором, пытался донести до нас, попавших под Всплеск.

Тогда, сидя в добротном погребе небольшого дома у Рва, мы с ним проговорили долго, практически до утра. Много ли он мог знать, старлей, такой же, как и я недавно? Нет, откуда... но в чём ему не откажешь, так это в умении делать выводы из того, что имелось в наличии. И то, что он говорил про опасность, которая исходит из Района, прекрасно помню. Слова Точи-

нова только окончательно убедили меня в том, что год назад нужно было делать всё то, что мы делали. Подстава, которой обернулось всё дело, сделала бесполезными не только эти усилия, но и гибель многих хороших людей. Ну что же, Пикассо, жизнь снова вывела тебя на прямую дорогу в самое сердце Радостного, надо полагать. И если ты вдруг заленишься ей воспользоваться, или испугаешься, то никем, кроме как подонком, назвать тебя будет нельзя.

За Точиновым охотились по одной простой причине: ему стала известна ТАЙНА. Страшная в своей жестокой реалистичности, ведущая к тем самым последствиям, про которые мы со Скопой узнали той ночью в подполе. Катализатор, способный многократно увеличивать возможности той самой газообразной взвеси, которая не так уж и давно сотворила с городом то, что есть сейчас, обернувшись Волной. При применении той хитрой биологической дряни, о которой говорил профессор, Волна смогла бы накрыть собой такую территорию, что у меня сами собой зашевелились волосы, вставая дыбом. Площади, измеряемые сотнями тысяч квадратных километров, территории Района-Х, выросшего до размеров нескольких областей. Поволжье, в котором бы не осталось нормальных обитателей, природы, самой жизни в привычном понимании...

Он не знал того, кто и когда задумал это. Но знал – почему и зачем. Мир вокруг нас менялся только внешне, переходя из века в век всё более современным и новым, оставаясь внутри всё таким же прогнившим до основания. Деньги, положение и власть. Три кита, на которых всегда держались такие прекрасные вещи, как подлость, низость, стремление стать самым главным и самым могущественным. Ну, а представьте себе такую ситуацию, в которой вам нужно ощутить себя в шкуре человека, ответственного за жизни миллионов. И вот вам докладывают, что в той самой проклятой Богом и людьми дыре, из которой только что и расползаются вокруг – то с ума сводящие мутанты, то непонятные по своей физической природе артефакты, случилось что-то о-о-очень плохое. Да просто – Район-55 взял и расширился, слизнув, как корова языком пару тройку субъектов Федерации? Клёво, да? И тут же, практически с разницей в несколько секунд, на вас выходят те, кто мог это сделать. И предъявляют свои требования, настаивают на их исполнении, а не то трах-бабах и территория государства пострадает ещё больше. Вот это бизнес, вот это доход и всё, что с ним связано.

Можно, конечно, допустить страшную мысль о том, что всё совсем немного не так, и что возможность провести это самое расширение есть не что иное, как демонстрация того, что может случиться с каким-нибудь соседом. Например, в стране горных кроликов-глупырей, вместо капусты жующих на обед галстуки. Не, а чего, нормальный такой метод для ведения переговоров на высшем уровне. То есть, конечно, уважаемые звёздно-полосатые господа, мы не будем вам мешать строить демократию в одной отдельно взятой стране под нашим боком. Но если неожиданно вместо дружественно настроенных носатых усачей на её территории вдруг начнут носиться орфо-псы и гулять, позвякивая металлом, големы с авиационными пушками, так не обессудьте. Это же неподконтрольная хренотень, и мы здесь не причём, ваще не причём. Другое дело, что наши учёные точно выяснили, что такая штука есть природный защитный механизм супротив насильственного рода введения общечеловеческих ценностей. Вы, стал быть, в следующий раз, когда задумаете строить эти самые ценности где-нибудь в другом близлежащем государстве, подумайте. Мало того, что там тоже возможна подобная защитная реакция, так как бы ещё иммунная система планеты не решила вас самих деактивировать. Таким вот очень неприятным, да что там, просто жутким способом. Тут вам не помогут ни воздушная кавалерия, ни морские пехотинцы, ни, страшно сказать, даже Джон, сука, Крутой Уокер Рэмбо, ага.

Плохие мысли лезли в голову, но поделаться было ничего нельзя. Если в глубине души веришь в человеческую подлость, то хочешь, не хочешь, а так начнёшь думать.

Стало ясно многое, и в первую очередь – почему я оказался здесь с друзьями и Скопой. Мы живём Районом, но он не наш дом. Наш дом – Радостный, который стёрли с лица земли,

превратив в заповедник искорёженной плоти, безумия и агрессии. Как бы оно ни было, но я-то теперь точно постараюсь помешать тем, кто хочет продолжения этого банкета. Не, господа хорошие, не получится у вас ничего, не выйдет. Уж что-то что, а своё участие в этом деле гарантирую полностью.

Почему на это же пошёл Точинов? Бросив спокойную и сытую жизнь в столице, где он наверняка был каким-то светилом науки, работая в важном государственном исследовательском центре, или как там их ещё называют? Да кто знает, значит, есть у него причины, и всё тут. Не верить ему не мог, потому что если уж Сдобный, который всегда ставил на первое место только прагматизм и свой интерес, решил пойти на подобное, то всё это правда. От первого и до последнего слова. Раз так – то идём до конца, каким бы он не был.

Барин аккуратно шёл через пролесок из местных, мутировавших и изменившихся до полной неузнаваемости, берёз и карагача. Это было хорошо, потому, что аккуратно пройдя через Периметр, мы на какое-то время оказались на открытом пространстве. Довольно долго ползли на собственных пузах, старательно замирая, если по сохранившейся дороге шумел двигатель «Тигра» патруля. Машины военных, это я знал теперь точно, были оборудованы всякой хитрой аппаратурой, но очень часто она не работала так, как должна была. Как не будет биться государство над тем, чтобы наладить порядок в армии и силовых структурах, но любители поживиться за его счёт будут всегда. И то, что не работает, к примеру, инфракрасный прибор наблюдения... ну а что поделаешь? Зато кто-то из рейдеров может себе позволить наблюдать за интересующими его моментами издали и безопасно, а какой-нибудь прошаренный зампотех купит жене горностаевое манто, к примеру.

Район становился всё более узнаваемым и понятным. Каждый раз, входя в него, не устаю поражаться одновременному постоянству и переменчивости. Никуда и никогда не денутся ощущения напряжённости, постоянного желания проверить округу на наличие агрессивных жизненных форм и давящего на организм физического превосходства местных форм жизни. И всегда, оказываясь в нём снова, стараешься не идти по своим же следам, чтобы не напороться на «ловушку», засевавшего в неожиданно организованной засаде отряда засранцев-мародёров или стаю церберов. Ни отнять у Района вот этой его милой особенности – стараться постоянно проверять гостей на прочность, умение выжить и знание громадного количества нюансов нахождения в нём.

Вон, вдалеке рискнули по кустам сумеречные волки, те, что в основном живут за Чертой. Почему именно так – никто из нас никогда и не думал, да и какая разница. Поганые твари, к слову, и многочисленные, а это и не странно. Мало того, что в первые полтора года после Волны никто и не думал контролировать их численность, так и кормовая база у них была солидная. Ведь сколько бродяг, бывших первыми рейдерами, погибло именно здесь, даже и близко не подойдя туда, где вырубалась к чертям собачьим вся аппаратура, и пропадало от пяти до десяти минут времени. Сотни, наверное, если не больше. А что вы хотите, дамы и господа, если на выходе из Района занюханная «чушка» стоит до десяти тысяч полновесных рублей, и в рюкзаке ты их можешь утащить до пятнадцати зараз. А если поднапрячься, то и всё двадцать, но это тяжело. Другое дело, что в Центре она стоит уже под сотню штук, но это и понятно. Если бы рейдеры могли свободно торговать сами, то... а ничего, надо полагать. Точно также были бы и барыги, когда-то переставшие ходить в Район, и те, кто вновь приходит сюда.

Барин поднял руку, заставляя нас остановиться. Группа замерла, ошестившись стволлами в разные стороны.

– Что там, брат? – Голос Сокола в динамиках.

– Да в кустах впереди кто-то есть... – Барин отпустил цевьё автомата, и полез в подсуток на спине. Поковырялся в нём, и достал невиданный мною прежде гаджет: узкий металлический прямоугольник, плоский, с чуть заметным выступом сверху. – Не уверен, но кажись, что может быть медведь...

Ох, ты ж, чего творится... гипер-урсус за Чертой, умереть ни встать. Это что же, интересно, заставило эту лохматую полуразумную тушу запереться в такие чегири? У их основной ареал обитания, если исходить из опыта, всё-таки сам город и его отростки.

Гаджет в руках Барина тем временем бесшумно и быстро превратился в очень красивую штуку. Верхняя часть раскрылась лепестками, образовав ровный матовый круг, сразу засветившийся серебристым отсветом. Вот как такое возможно, честное благородное слово, что я, опальный офицер группы быстрого реагирования, представления не имею о том, что это такое? А какой-то, пусть и очень опытный и уважаемый в определённых, не самых широких кругах, рейдер спокойно пользуется этой, явно полезной, штуkenцией?

– Медведь, пацаны... – Барин прищёлкнул языком. – Шуметь не хочется, а так бы приняли подлюку во все стволы, а?

Я его понимаю, очень даже понимаю. Гипер-урсусы те ещё подлецы, которых лично сам, после счастливого спасения от сразу двоих, просто ненавижу. Как Волна распределяла свои свойства, почему эти мохнатые страшилища не просто выросли в размерах, а ещё и поумнели, непонятно. Но лично я предпочёл бы связаться со стаей волков, или церберов, чем с одним гипером. Если бы был в одиночку, конечно. Медведи любят охотиться парами, и хорошо, что их не так уж и много. Цикл воспроизводства, вроде как, очень длительный, и есть ещё дополнительный фактор в лице рейдеров, понимающих, что чем меньше этих паскуд в Районе, тем им самим и лучше. Но что делать вот сейчас?

Начнём стрелять, так наверняка привлечём внимание патруля, у которого, скорее всего уже есть задача отслеживать любые перестрелки, в которых участвуют больше пяти стволов. Не стоит думать, что у вояк мозги не на месте, и следы они читать не умеют. То, что нас семь человек и чем мы вооружены – давно уже выяснено и передано куда надо. Вместе с ориентировками личности, физическими параметрами в электронном виде и всех прочей необходимой информацией. В этом можно быть уверенным на сто процентов.

– А может быть, мальчики, стоит мне попробовать? – Скопа выдвинулась вперёд. А ведь и правда, её-то «Винторез» нам и поможет, если сестра справится с двух, максимум, выстрелов. Винтовка-то садит бесшумно, чуть хлопая, и калибр у неё само-то, чтобы снести медведю переростку полголовы.

– М... – Сдобный посмотрел на неё. – А может, просто обойдём? Лесок немаленький, чего нам с ним делить?

– Не фига... – Барин чуть отступил назад. – Если бы он хотел не ввязываться в конфликт, то уже ушёл бы. Это ж урсус, он умный... временами.

Что есть, то есть. Вот отвык от Района за год, если честно. Сам не подумал о том, что медведи, которые по уровню соображалки куда как умнее десятилетнего ребёнка, всегда избегают боевого контакта с группами больше пяти человек. Понимают, что шансов не будет. А раз так, то значит перед нами мишка, у которого с головой не всё в порядке. Бывает с ними такое, когда они впадают в бешенство, нападая даже на собратьев, что обычно позволяют себе только во время своего брачного сезона, борясь за самку. Так сказать, поддерживают друг друга и сплачиваются перед лицом опасности в виде различных факторов. Это тоже не очень хорошо, в смысле то, что у медведя крыша поехала, мало ли что он может выкинуть?

– Опаньки! – Барин нажал на кнопку агрегата, складывая экран и поднимая свободной рукой свой ствол. – Пошёл медведёк на нас!

Кусты затрещали, разлетаясь под натиском почти полутонной туши, раздался рёв, и мохнатый монстр явился перед нами во всей красе. Вот он, сука, был и страшный!!!

Поразительных размеров оказалась зверюга, с места рванувшая к нам. Было заметно, что урсус немолодой, шерсть отливала густым серебром, ведь живут они не так уж и долго, лет пять-восемь от силы. Учёные, с которыми мне доводилось общаться, в один голос заявляли, что это де от бешеного метаболизма и размеров. Не знаю, правда это или нет, но медведь был

стар, покрыт шрамами и проплешинами, с подпаленной во многих местах свалывшейся шубой. Когти взрыли землю, перемешанную с густым ковром много лет опадающих листьев, подняв в воздух целый шквал из комков и гниющих веток. Пасть, в которой могла поместиться вся передняя часть Скопы, раззявленная, ревушая, с летящими в стороны комками то ли слюны, то ли слизи, откровенно ужасала. Вот это я и успел заметить, автоматически отскакивая с возможной траектории его движения. Урсус, до которого было метров сто пятьдесят, уже перекрыв половину расстояния.

Гулко хлопнуло, тварь мотнула громадным лбом, взревела и не упала. Скопа успела выстрелить ещё раз, разворотив ему правый глаз и вызвав очередной взрыв гневного рыка и рычания, и лишь потом откатилась в сторону. Ну а нам, волей – неволей, пришлось открыть огонь, наплевав на конспирацию.

Вы представляете себе всю мощь огня из одного РПК калибра семь-шестьдесят два и пятерых таких же «калашей», да в упор, да так нажимая на спуск, что очереди слились в одну? Вот-вот, но медведь рухнул лишь прямо перед нами, нашпигованный пулями, с разодранной в клочья шубой спереди, но до последнего давший нам возможность понервничать.

– Однако же... – Присвистнул Точинов, разглядывая урсуса с явно заметным жадным блеском в глазах... учёный, ага. – Вот это экземпляр, скажу я вам. Мне доводилось видеть куда как меньшие по размерам. Какой рост костной и мышечной масс, да...

– Полюбуйтесь, ещё так с несколько секунд. – Сдобный вздохнул. – Ну не дураки мы, а? ПБС никто не додумался взять, вот ведь. Вот сейчас к нам и ломанутся наши друзья из местного «Гринписа», да с нечеловеческими воплями. Рвём когти, ребят!

– Сдобный? – Точинов неожиданно улыбнулся. – А не человеческие вопли не такие: э-г-е-г-ей, б-л-я-а-а-а?!!

– Ага... – Сдобный кивнул головой. – Вот точь-в-точь такие.

И мы рванули, стараясь оставить позади как можно больше расстояния между нами и Периметром. Здесь нет хороших дорог, и ловушек достаточно, но кто знает, как мы нужны нашим преследователям, тот не удивится факту преследования нас на бронетехнике. А это, скажу я вам, ну его в баню просто.

Барин, в темпе бегущий впереди, вновь достал свой диковинный агрегат, каким-то образом умудряясь смотреть и на его экран, и под ноги. Казак, немедленно оказавшийся рядом, смотрел за двоих, прикрывая его своим стволом. Сокол, Сдобный, в середине профессор, мы со Скопой, и Чугун с РПК замыкающим. Прямо как в старые добрые времена, и лишь Большого не было. Надёжного, могучего, никогда не унывающего...

– Стоять! – Барин затормозил, чуть не упав. – Доброе утро, ребят, две штуки, прямо перед нами.

Етит-колотит, началось! «Доброе утро», одна из самых поганых аномалий-ловушек, которой без разницы то, кто в неё попадёт. Почему утро и почему доброе? Да потому что как говорит старая рейдерская быль, когда у одного из первых бродяг рано поутру на глазах в клочья разнесло здоровущего цербера, то никаких других слов у него просто не нашлось. «Вот те и с добрым утром...» – именно так, как утверждают фольклорные источники, он и пролепетал, выблёвывая остатки завтрака.

Увидеть её, ловушку, невооружённым взглядом не очень-то просто. Чёрные точки, которые образуют эту убийственную прихоть Района, хорошо заметны на открытом пространстве, но никак не в лесу. Помог ли Барину его чудо-агрегат, или просто брат-бродяга обладал тем самым специфичным рейдерским чутьём со зрением, это меня волновало мало. Больше волновали сами ловушки и то, что Сдобный сумел так накликав беду. Сзади громко выла турбина специально под нужды Района модифицированного бронетранспортёра. И не одна, если судить по тому, что в гул вплетался редкий чих двигателя, но сам вой не прекращался, а лишь ослабевал.

– Мать их за ногу! – Сокол, чуть не влетевший в громаду Казака, выматерился. – Рассыпаемся, или попробуем вместе оторваться?

– Попролам и в стороны. – Сдобный оглянулся. – Скоро здесь будут. До Черты немного, встретимся после неё, возле самого посёлка.

– Понял. – Сокол махнул рукой своим и двинулся влево.

Твою-то кочерыжку, нехорошо это. Надо и отрываться, и потом обязательно встречаться, иначе наш поход начинает превращаться в то самое, что было с псевдо-журналистами, а зачем оно нам? Если мы сможем, каким-то чудом, дойти до Ковчега и там встретить тех, кто повезёт, или понесёт сюда тот самый катализатор, то не думаю, что чем нас будет меньше, тем нам будет проще. Почему-то прямо сейчас уверен, что на счету будет каждый человек, так как там будут и «пуритане», и Изменённые, и, скорее всего с Той стороны будет целая депутация под прикрытием взвода, как минимум, спецназа. И тут такая ситуация, вот половик меховой, вздумалось тебе у нас на пути с ума сойти!!!

Сдобный пошёл первым, оставив Скопу прикрывать Точинова и доверив мне тыл нашей вполовину уменьшившейся группы. Поступил он правильно, ведь сестрёнка у меня, конечно, самый лучший стрелок в Районе, но вот проводник из Сдобного намного лучше. Это я вам говорю, как рейдер, истоптавший с ним здесь всё вдоль и поперёк.

– Слева на одиннадцать часов. – Динамик передал его голос. – Там три берёзы, на них смотрите, видите?

Вижу, как же не видеть? Точно, «с добрым утром», она самая. Мелкие точки убийственного роя частиц, которые разом накидывались на того, кто по собственной глупости оказывался прямо в их центре. Бесшумные убийцы, висящие в воздухе на уровне роста баскетболиста, и зачастую именно из-за этого и незаметные. Молодец, брат, сказал как раз вовремя.

Громко застучало там, где мы были несколько минут назад. Нам пришлось рухнуть на землю прямо там, где мы и стояли. А что, калибр в четырнадцать с половиной миллиметров это не шутка. Даже здесь, где стволы натканы тесно, всё равно какой-нибудь снаряд запросто может пройти между ними и попасть куда-нибудь. Без разницы куда, один хрен – сразу кирдык. Руку, ногу, голову просто оторвёт, а тело, если попадёт в корпус, может и попролам сломать, знаю, проходили. Вот и приходилось лежать, вжимаясь в плотный, парящий и воняющий ковёр из всякой гнили, которая ещё не скоро превратится в сухую труху.

– Для порядка работают, сволочи. – Скопа вздохнула. – А так шли хорошо, да, брат?

– Угу... – Я был с ней полностью согласен, начало рейда было очень впечатляющим. Даже потрясающе впечатляющим, я бы так сказал. И очень плохо, что оно так быстро закончилось.

Спустя несколько мгновений наводчик, палтвший в белый свет как в копеечку, наконец-то перестал расходовать казённые боеприпасы. Очень осторожно и аккуратно Сдобный прополз вперёд, увидев поваленное сухое дерево, за которым густо рос чилижник. Забрался туда и помахал нам, чтобы мы не тратили время зря. Он всё сделал очень правильно, потому что сейчас на несколько сот метров перед собой, пользуясь тем, что Черта ещё не создаёт помех, в броневиках работали детекторы движения и сканеры, прочёсывающие местность. Нужно было затаиться на какое-то время, и тогда, если повезёт, преследователи либо пойдут дальше, либо могут расслабиться.

Точинову было не так легко как нам, ползти по-пластунски. Возраст, лишний вес и одышка, которую легко было угадать, ему очень мешали. Но он старался и справился, изобразив из себя сухопутный эквивалент большого тюленя-сивуча, стремящегося попасть в незаметное место. Мы со Скопой последовали их примеру, перевалив через толстый ствол сверху и вжавшись в пахнувшие сыростью прелые листья.

Сейчас нужно было лежать как можно более тихо и спокойно. Если за нами пришли «бэтэры» моей бывшей группы, а так оно и могло быть, то это серьёзно. Тем более, что тот самый чих одного из движков показался очень знакомым, и если это не «четыреста пятая»

коробочка, то грош мне цена. Аппаратура слежения и обнаружения на всех бортах нашей ГБР стояла новая, без попыток коммунизации всего, что хотелось. И очень хотелось верить в то, что из всей группы сейчас там, где валяется туша урсуса, есть только механики, что парни просто не пошли, узнав про то, кого следует задержать. Мне очень не хотелось бы стрелять в тех, с кем не так давно выполнял свою работу.

Сдобный очень аккуратно отстегнул карман бокового подсумка и достал ту же самую, что и у Барина, электронную финтифлюшку. Раскрыл её лепестки и приподнял над бревном, смотря на экран. Я попробовал выгнуть шею так, чтобы оценить работу диковинного для меня чуда инженерной мысли.

Принцип работы стал понятен быстро. Аппарат, судя по всему, был не просто датчиком движения, а настраивался на несколько диапазонов, в том числе и на какой-то очень продвинутой тепловой. Во всяком случае, даже отсюда, с расстояния в пару сотен метров и густые заросли на экране всё же мерцали красные двигающиеся пятна на фоне двух больших и застывших. Да, дела и делишки, брат Пикассо. Круто нас обкладывают, ничего не скажешь. Так, глядишь, под предлогом поимки группы лиц, что по сговору изничтожила с какого-то перепуга дядек в больших званиях, запустят и «гребёнку». И тогда не знаю, как мы сможем сделать то, что собирались. Про что, кстати, мне так и не стало до конца ясно. Ну, дойдём мы до этого «Ковчега», который, как стало понятно из объяснений Профессора, находится в районе Осиновки. Вот тоже... сколько раз там ходил, и думать не думал, что там есть что-то подобное. Век живи, и век слушай, что Изменённые между собой говорят. И ведь было что вспомнить, сейчас, зная нужную информацию.

Ведь именно там находится крупный, а вернее, единственный в наших краях, прайд серых львов. Обычно греи сами по себе, и страх как не переносят друг друга на собственных охотничьих угодьях, а тут... а тут их реально прайд голов из пяти-семи. Большой смок, который облюбовал себе бывшую телевизионную вышку, и бывший кошмаром всех, кто был вынужден ходить через Черту в том секторе. А ещё, если верить слухам, где-то в тех краях находилась одна старая котельная, которая, в отличие от других «колыбелей», исчезающих после самого процесса «рождения», постоянно производила на свет Божий големов. Ммм... вот оно чего на самом-то деле. Ну, и то, что в тех краях постоянно было всякой твари по паре, не говоря про стаи всякой мелкой шелупони навроде резусов, или постоянных банд Изменённых. Ну что же, так, значит так. Подумаешь, тоже мне, сложности, просто патронов больше нужно будет, и всего делов-то, ага.

Если уж честно, то поняв, куда и зачем нам придётся идти, я чуть было не запаниковал. Для того чтобы пробиться в место нахождения «Ковчега», нужно было вводить в Радостный около усиленного полка тяжёлой штурмовой пехоты, подкреплённых танковым батальоном и обладающих переносными зенитными комплексами. Но точно не ввосьмером, в том числе к тому же, с целым кабинетным учёным. Хотя, удача всегда была на нашей стороне в переделках, которые тоже не были детскими прогулками в парк аттракционов. А как я запомнил из старой и хорошей книжки, то замахиваться всегда нужно по большему. Почему? Да всё очень просто, ведь по малому лишь кулак отшибёшь. Так что посмотрим, что и как будет.

– Твою мать... – Прошипел Сдобный, отвлекая меня от мыслей с рассуждениями. – Вот, кажется, и по наши души.

Детектор был сложен и убран назад в подсумок. И правильно, нехрен такую хорошую, и явно буржуйскую машинерию под пули подставлять. Скопа тихо отползла к дальнему краю ствола, туда, где густо рос кустарник. Положила винтовку на разлапистый сук, торчащий из бревна, изготовилась к стрельбе и застыла в такой позе. Ну и нам пора...

Сдобный уже перекатился в сторону ближайшего разлапистого представителя местной флоры, привстав на колени и держа палец на спуске подствольника. Идея неплоха, но тут стрелять из гранатомёта можно лишь по прямой наводке, к сожалению. Ветви и сучья пролеска

убили бы нас, разрядив ВОГ в самом начале полёта, вздумай кто-то из нас стрелять из него по прицелу. Да и хрен с ним, попробуем и так, как есть.

Я перебрался поближе к сестре, закрывая её открытый левый фланг. Профессор, явно настроенный на бой, уже держал под прицелом ту сторону, откуда мы только что пришли. Молодец дядька, даром, что в возрасте и научного образа мышления, не ссыт ни разу. Уж постараюсь ему ни в чём не уступить.

Датчик движения, встроенный в прицел «калаша», моргнул, передавая информацию в шлем. Зуммер оптики чуть слышно жикнул, наводясь в ту сторону, где между деревьями начали мелькать фигуры в «хамелеонах». Я попробовал навести сильнее, стиснув зубы от напряжения. Всмотривался, до точек в глазах в фигуры, которые так тяжело было рассмотреть в густом переплетении кустов и деревьев. Сердце ёкнуло, когда понял, что это не мои ребята, не мои!!! Не те шлемы, не то оружие, мы никогда не пользовались выпендрёжными и ненужными «Грозами-15», которые получились такими же недоделанными, как и их предшественницы. И ещё несколько нюансов, включая то, что преследователи двигались хоть и уверенно, грамотно и обучено прикрывая друг друга, но не так, как двигались бывшие рейдеры. Это ведь, если хотите знать, целое искусство, наука и призвание, слитые воедино, и никак больше не скажешь. Сложнейшая система, рождённая всем, что было опасного и непредсказуемого в Районе-55. Ну, чтож, мои дорогие противники, спасибо вам, огромное, человеческое и от всей души. Вот теперь меня отпустило и на сердце отлегло, и стрелять я вас буду с превеликим моим, Пикассо, удовольствием.

И ещё радовало то, что преследователи явно не знали где им кого искать. Всю одежду, что была на мне во время задержания, скинул там же, при освобождении. А как ещё нужно было поступать, ведь от тех, кто меня вёз, ожидать «жучка» на воротник, как минимум, просто стоило ожидать. Другое дело что, даже полностью раздевшись, я всё равно переживал по поводу того, что они могли незаметно от меня самого воткнуть мне что-то под кожу. С них станется, и методы такие наверняка есть. А вот поведение ребят в «хамелеонах» чётко показало, что нас не ведут. И пытаются определить только по следам то направление, в котором пошла наша группа. Хоть что-то радует...

– Приготовились... – Выдохнул Сдобный, поднимая автомат. Молодец он у нас, ничего не скажешь. Ведь несколько лет сидел у себя в берлоге кабака, как бирюк. Разве что тренировался на Полигоне у вояк, но это совершенно не то, а формы не потерял ни на грамм. Да приготовились, приготовились, куда деваться то?

Каждый раз перед боем наступает момент, который можно, кажется, ощутить физически. Прямо протяни палец перед собой и наткнёшься на упругую и натянутую мембрану адреналиновой завесы от самого себя, которая уже сталкивается с той, что идёт в твою сторону от противника. Ненавижу этот момент, терпеть не могу, и обожаю одновременно, а как ещё-то? Если не можешь уйти от боя, так сделай так, чтобы он стал для тебя тем, что ты можешь назвать «своим». Проникнись им полностью, почувствуй уже пульсирующий с ТОЙ стороны комок нервов своего первого врага. Вон он, сейчас крадётсЯ между молоденьких, только-только растущих вверх, тянущихся к серому небу, стволов. Кто он такой... есть ли тебе разница в такой момент? Лично мне достаточно только того, что это ОН хочет сейчас найти меня, и, увидев, до отказа вдавить палец на спуск, выпуская впереди себя сердитых металлических шершней, что могут ужалить до смерти. А раз так, то какая мне, нахрен разница, кто он такой? Муж, отец, сын... да хоть любовник давно нестареющей поп-дивы Максим!

И когда, наконец, ты понимаешь, что пора, что вот он, тот самый момент, то действуй! Прямо сейчас, сразу, не думая, на одних рефлексах. И мягко и плавно прицел поймает корпус крадущегося к тебе врага, подушечка указательного пальца чуть надавит на самый конец небольшой металлической скобы. И ещё, всё усиливая это давление до того самого момента, когда ударник щёлкнет по первому патрону, уже давно этого дожидającegoся.

Мягкий толчок отдачи в плечо, ведь это боевое стрелковое оружие, а не охотничья громышалка. И короткой очередью по нему, не успевшему ничего понять. В голове автоматом, чётко-чётко: двадцать два... двадцать два... и всё, первый пошёл. В смысле к апостолу Петру, позвякивающему ключами на поясе. Ну, или куда ещё, это уж как карта ляжет. Вот этого и дожидаясь, ощущая, как после прилива адреналиновой волны, на тебя находит невероятное и холодное спокойствие. Кажется, что ты видишь не только то, что перед тобой, но ещё и получаешь трёхмерную картинку откуда-то сверху, как будто присоединился к аппаратуре спутников системы ГЛОНАСС, и остаётся только расчёт и понимание того, что нужно делать.

Да-да, именно так, можете не сомневаться. Никакого красного безумия и тумана цвета крови в глазах. Не знаю, как там вели себя берсеркеры, когда викинги буйствовали в средневековье, но точно не так. Мы люди хоть и серьёзные, но при этом весьма скромные, нам ещё пожить хочется, и раз уж пришлось стрелять, так извольте делать это сдержанно и грамотно, отдавая себе отчёт в том, что спешка хороша лишь при ловле блох.

Осталось дожидаться лишь того момента, когда прозвучит первый выстрел, и тогда уже придётся делать всё вышеперечисленное. Странно, но именно так случается перед тем, как с обеих сторон начнётся огонь. Время чуть замирает, растягиваясь и становясь каким-то более длинным, что ли... ну, блин, сколько ещё ждать-то?!!

Краем глаза уловил чуть заметное движение Скопы и понял, что первый выстрел будет бесшумным. Ну и ладно, так оно и лучше, пусть потеряются немного, нам же это всё на руку. Давай сестра, давай, ты у меня лучшая...

Район не будет самим собой, если не вмешается даже в то, что его вроде и не касается. Я не забыл про «с добрым утром», а эти дауны, как стало ясно чуть позже, даже и не изволили заметить ловушку. А вот она их, как оказалось, очень даже заметила. Да и тяжело было не заметить, если один из них умудрился не просто не заметить мелькающий весёлый рой, но ещё и наступил точно в самую её середину, тем самым подписав себе смертный приговор. Адская карусель закрутилась быстро, за пару секунд сжавшись вокруг фигуры в «хамелеоне», окружив его плотным коконом и подняв в воздух. Кто-то из наших преследователей даже было дёрнулся, но его вовремя схватил за руку второй, видно – то ли более опытный, то ли обладающий лучшей памятью. В любом случае орущему куску мяса, зависшему на высоте в полтора метра над землёй, помочь уже было нельзя. Я покосился на Точинова, явно наблюдавшего всё это впервые. Во всяком случае, в натуральном виде, а не на плёнке

Парень орал недолго... тело окуталось густым красным облаком из взвеси его же собственной крови, и потом оно взорвалось...

– Вот бя... – Шепнул Точинов, которого немедленно вывернуло наизнанку. А что вы хотите, если в первый раз столкнулись с «добрым утром», то чаще всего этого и приходится ожидать.

Глава 4: Периметр – Черта

Вот вроде нет ничего хорошего в ловушках, с какой стороны на них не помотришь, так одни проблемы и неприятности. Но вот ведь интересно, что сейчас мне тому самому «с добрым утром» прямо спасибо сказать хотелось. Не знаю, кого за нами отправили, но буду надеяться на то, что именно эти странные типы пойдут и дальше. А-то как же, очень приятно, когда преследователи прямо как кошки блюют в кусты, и потом они удаляются в стороны бронетехники, оставив место поражения с полным позором. И не приходится стрелять, потом бежать и думать о том, что неплохо было бы всё-таки оторваться, ага, именно так. Так что – спасибо тебе, аномальная ловушка, которая дала нам такую прекрасную возможность уйти нормально и избежав абсолютно ненужных сейчас потерь. Судя по тому, что с той стороны, куда ушла группа Сокола, не было слышно треска очередей и разрывов гранат, им тоже повезло. Но убедиться в этом получится намного позже. А сейчас остаётся только быстро двигаться вперёд, тем более, что вокруг верно, хоть и медленно, сгущались сумерки.

Район ночью... одновременно и сказочно прекрасно, и безумно страшно. Только совсем уже глубокой ночью здесь можно увидеть звёзды, но какие же они здесь яркие и высокие, такие, которые хочется потрогать руками. И вместе с этой красотой, закрывая её своими широкими крыльями, может вдруг пролететь один из смоков, оглашая окрестности своим бешеным рёвом. Странный такой диссонанс, как будто находишься на другой планете, а не там, где родился и вырос. А ещё есть обязательный подъём тумана, который хорошо заметно, а в лунную ночь его зелень вся просто переливается сверкающей изумрудной крошкой. Вот только если вдруг попасть под него без маски, то в лучшем случае тихо, ну относительно, помрёшь, захлёбываясь кровью, густо идущий через носоглотку. Для меня и Сдобного таким практикумом стала ошибка Алконавта, не позаботившегося проверить свою маску, и заплатившего за эту ошибку своей собственной жизнью.

И здесь очень опасно ночью, потому что многие обитатели нашего зоопарка ночью становятся особенно активными и агрессивными. Средство от этого всегда одно: найти место, в котором при случае можно будет держать глухую оборону. А беспокоиться по этому поводу необходимо именно сейчас, в надвигающихся сумерках. Чем мы и озаботились, после того, как наши преследователи отошли к технике, видимо не рискуя двигаться дальше без опытного проводника. Его-то они найдут в любом случае, можно не сомневаться, но люфт во времени у нас есть. А ночью вряд ли кто попытается найти нас, здесь это не просто бесполезно и опасно, здесь это может оказаться смертельной затеей.

– До дач попробуем дойти? – Сдобный остановился, поглядел на часы в коммуникаторе на левом предплечье.

– А у нас есть другие варианты? – Шутник мне тоже, ничего не скажешь. Нет, блин, прямо вот здесь остановимся, у самой Черты.

– Ну да... – Друг внимательно посмотрел вперёд, на не очень то и широкую полосу, которую тренированный взгляд заметит сразу.

Черта, здравствуй дорогая моя и ненаглядная. Так, что у нас там с аккумуляторами, в наличии? Так точно, товарищ старший лейтенант, сестра побеспокоилась, вон они, в небольших кармашках жилета. И скоро они нам точно потребуются.

– Профессор, вы же про Черту знаете? – Скопа, которая держала под прицелом тот маршрут, которым мы пришли, искоса посмотрела на Точинава.

– Конечно, милая моя, я здесь про многое знаю... теоретически. – Профессор усмехнулся. – После Волны, когда оказался на Большой земле целым и невредимым, долго не мог снова к работе приступить. А вот когда приступил, то не просто удивился... поразился тому, что здесь произошло. Черта это вообще нечто уникальное, знаете ли...

– Знаем. – Буркнул Сдобный. – Это препоганейшая хрень, которая напрочь на какое-то время лишает тебя и связи, и детекторов и всего прочего. Один толк от неё – военные за нами на технике не пройдут, и то хорошо.

– А вы знаете про попытки всё-таки создать технику для Района? – Точинов поправил очки пальцем. – Это, знаете ли, очень интересно.

– Не сомневаюсь, если честно. – Сдобный хмыкнул. – Только давайте на «лёжке» вы нам всё расскажете, ага?

– Конечно, конечно... – Профессор кивнул головой, соглашаясь. А молодец мужик, не обижается ни капли, понимает, что не время. Послушаю его с удовольствием, если получится. Сдаётся мне, что от этого учёного, так уверенно обращающегося с оружием, можно узнать о ней сколько нового и неизведанного про то, что вроде знаешь вдоль и поперёк.

– Я первый. – Сдобный удивлённо посмотрел на меня. – Ну чего? Сомневаешься, что ли, что смогу спокойно пройти?

Тот помолчал, совсем немного, но на какое-то время стало погано внутри. Неужели настолько сильно было заметно то, что я боялся ходить в Район, что мой друг и старый напарник засомневался в том, что смогу провести их через Черту? Да ладно?!

– Ни разу не сомневаюсь, брат. – Вот так вот, и сразу стало хорошо. Ну что же тогда остаётся, кроме как не начать движение?

Маркеры-маркеры, мои маленькие дружки, идите-ка к папочке... а куда здесь без них? Никуда, потому что в зоне действия Черты многие ловушки заметны плохо, да и вообще, там вообще всё странно, внутри неё-то. И только гайки с кусками лент, пропитанных светящейся краской, могут помочь здесь, где ни один детектор не станет работать.

Так, что у нас здесь? Ясненько и понятненько, вот отсюда, от вросшей в землю покрывки от трактора, мы и будем входить в Район. Прямо-таки вижу, что возле неё нет никакой пакости, и ничего не помешает прокладывать маршрут. Ну-ка, прыг-прыг на неё, и замерли, стараясь не упасть. Вот молодец, Пикассо, молодец! Вон он, «битум», хитро прикидывающийся что им здесь и не пахнет. Ну-ну, мой хороший, не обманешь, вон, как над тобой чуть дрожит маревом воздух. В этих ямах с угольно-чёрным кипящим составом температура такая, что сталь выплавлять можно, и хорошо, что ещё только смеркается. В темноте эту ловушку заметить было бы тяжело. Так, а если ещё одна? Точно, вот и ещё одна, правда, абсолютно безвредно находящаяся для планируемого мною маршрута.

Гайка полетела вперёд, мягко приземлившись на ровный ковер травы. Великолепно, ничего там нет, и раз, одним прыжком туда. Приземлились, выровнялись и смотрим дальше. А по спине уже прошла разок адски болезненная щётка из металлического волоса, а-а-а, ещё раз здравствуй Черта, я тоже рад вернуться к тебе, сука ты этакая, как же я тебя ненавижу! Один из чётких признаков перехода через неё для тех дебилов и везунчиков, не предполагающих того, что они уже в ней – вот это самое милое ощущение, от которого дальше придётся зубы стискивать. Ладно, не в первый раз, и, глядишь, что в последний, только по-хорошему в последний.

А что это у нас вон там виднеется так чётко? А вешка это у нас, вон оно чего, хорошая такая вешка, просто замечательная. Кто-то и когда-то воткнул в землю металлический кольцешек, отметив ту точку, где пройти можно спокойно. Почему так уверен? Да потому что от неё в мою сторону тянется длинный красноватый шнурок, у которого на конце прикреплена липкая бумажка, на которой, отсюда видно, стоит позавчерашнее число. А что это значит? Да то и значит, что раз Всплеска не было, то и ловушек новых не появилось. Так что – спасибо тебе, неизвестный мне брат-рейдер, позаботившийся о нас, даже не подозревая о нашем существовании. Аккуратненько, шагком за шагком к ней, родимой. Опа... на месте. Оглянемся и посмотрим, как там наши попутчики?

Угу, всё в порядке, двигается за мной Точинов, за которым практически не отстаёт Сдобный, страхующий нашего невольного туриста. Скопа пока стоит на месте и всё также держит на прицеле наш тыл. И это правильно, вот только мне надо двигаться быстрее, чтобы если что случится – попытаться дать ей уйти через Черту. Так что вперёд-вперёд, рейдер, скачи как национальная эмблема Австралии. Как же не хватает детектора, ёлки ты палки... сдох, бедняга, уже как минуту назад, убило его сумасшедшее электрическое поле, которым Радостный окружён по кольцу.

Так, что ещё есть? Ну, должно же быть, должно... точно, вот оно. Следующая вешка, дающая возможность не бросать гайки, тратя время, патроны от СВД, торчащие вверх своими толстенькими стерженьками. Торчат стрелкой, указывая направление следующего шага. Идём идём, аккуратно, не расслабляясь ни на минуту.

Точинов спокойно дошёл до того места, где только что был я. Молодец мужик, верно поступает. А... вот и сюрприз, прямо передо мной, «колючка», мерзкое растение, которое никак не зависит от Всплеска, и длинная же зараза... ничего-ничего, сейчас обманем. Плохая штука, которая может запросто обвиться вокруг нижних конечностей, заставляя упасть и потом хвататься руками за всё подряд, пока к одному из стеблей не присоединятся другие и потащат тебя в сторону основного клубка. И тут, если ты один, так самый лучший выход либо застрелиться, либо рвануть в сторону ближайшей ловушки, если боишься пускать пулю в лоб. Попасть под «колючку» до конца... страшно.

Но эту дрянь можно и обмануть, только нужно знать – как, а я знаю. Берём сразу горсть гаек и бросаем веером подальше, так, чтобы они рассыпались рядом. От ты моя умница убийственная, как метнулась то, дурочка растительноживущая! А мы вперёд, быстро, пересекая все возможные траектории возвращения усов этого странного, полуживого растения со скоростью истребителя. Оп-па, прошёл. Так, а следующий? Да она решила не возвращаться, свернулась вон там, подальше, в клубочек, умничка моя...

Так, ребятки, половину прошли, осталось немного на самом-то деле. И за вешки зацепились, что очень хорошо, так что дальше должны пройти хорошо. Твою-то мать, а это что такое?

Два тела в комбинезонах, обычных, армейских. Вернее... остатки тел, проткнутых во многих местах разрыв-травой. Вон, целый газон впереди, больше и не скажешь никак, именно газон. Но почему?.. А-а-а... вот теперь понятно. За такие вот дела, если уж на то пошло, убивают на месте, если застукают за подобным занятием. Кто-то очень жадный, не желающий, чтобы другой рейдер, гипотетически могущий его обогнать в постоянной гонке за баблом, переставил две последние вешки. Именно из-за этого те двое и погибли, напорвшись на «тяни-толкай», ловушку, которую заметить сложно, если не знаешь, что она рядом. Вон она, чуть правее, где по еле-еле заметной спирали лениво двигаются комочки земли и сухие травинки. Это штука делает что? Берёт, жёстко захватывает одним из своих концов ближайший к нему движущийся объект и вышвыривает в противоположную от своей «швыряльной» части сторону. А тут и тот самый газончик чётко заметного стального цвета, эх, бродяги...

– Что там такое, брат? – Голос Сдобного сзади, глуховатый из-за плотно прилегающего шлема, встревоженный, и я его понимаю. Вон там, позади, в уже плохо видимой рощице, разом взлетело несколько ворон... неужели так быстро успели?!!

– Я сейчас, друг, сейчас... – Адреналин резко ударил изнутри, потому что сестра была на той стороне Черты, уже готовясь начать стрельбу. – Сейчас...

Так, Пикассо, не тормози, друг. Ты же можешь, я знаю тебя как облупленного, ну, думай, давай, шевели мозгами. Газон с обеих сторон, и что тогда можно сделать?.. До окончания Черты всего ничего, совсем чуть-чуть. А что там, на той стороне?

Гайка, вторая... всё нормально, хорошо. Так, бродяги, вы уж простите нас, прошу, простите. Больше сейчас никак нельзя, вообще никак.

– Скопа, сестрёнка! – Пришлось орать, чтобы она услышала

– Да?

– Приготовься, сейчас тебе придётся просто лететь вперёд. Сдобный, идём по бродягам, деваться некуда... дерьмо.

– Да уж. – Сдобный громко вздохнул. Ну и хрен с ним, на том свете сочтутся с нами, если уж сойдёмся где-нибудь в райских куцах... пошёл, бля!

Прыжком, диким и таким, что позавидовал бы любой легкоатлет-олимпиец, я скакнул на первого из бродяг. Подо мной мягко спружинило, резко зашелестели листья этой растительной дряни, сейчас пытающейся добраться до меня. Второй прыжок, с левой ноги, длинный, на самом пределе возможностей, не жалея ни мышц, ни связок... толчок пятками по земле, падение на плечо, кувырок...

Мир встал на своё место, а я уже сидел, спрятавшись за толстое и разлапистое дерево, направив ствол в сторону пока ещё видимой сестры. Ну, родная моя, давай пошла-пошла!!!

Рядом с шумом, ударившись всем телом, приземлился Точинов. Схватил его рукой за рюкзака, дёрнул, пряча за то же самое дерево. Он помотал головой, явно приходя в себя намного медленнее, чем я. Сдобный тут же оказался рядом, распластавшись на земле и быстро меняя аккумуляторы. Вот молодец, бродяга, так хотя бы ты сможешь стрелять нормально. Фигура Скопы мелькала в Черте, двигаясь к нам, но медленно, как же медленно. Сухо щёлкнуло позади неё, и прошло мимо, отбив несколько листьев с кустов. Добрались, всё-таки, суки!

Первая очередь прямо туда, и на те, паскуды, получите ещё! Каждый третий «патрик» в магазинах – трассирующий. Так намного легче определять то, куда ложатся пули, если нет больше никакой возможности это сделать. Как сейчас, например, пока не успел сменить батарейки в приборах, да и вряд ли сейчас успею. Сдобный тоже открыл огонь, прикрывая Скопу, успевшую добраться до половины маршрута, и сейчас лежащую на земле.

Тех ребят было человек шесть или семь, не меньше. И пальбу они открыли очень серьёзно, пользуясь тем, что все приборы работают хорошо, и сестра была у них как на ладони. Не успел заметить момент, когда она оказалась на земле, но адреналина стало больше, а что если?!! Да нет, вроде нет, ползёт нормально, вон перебралась к тому самому месту, где была колючка. А вот что дальше делать, кто мне скажет?

– Пикассо! – Сдобный всадил ещё одну очередь в сторону вспышек на той стороне. – Шмальнём из подствольников по убудкам, пока они тоже самое не сделали, давай быстрее!

И шмальнули, и скажу честно, что никогда ещё мои пальцы не сновали с такой скоростью от бандольеры до «гэпэшки». Выхватывали продолговатое тельцо ВОГа, заряжали и тут же, без какой-либо подготовки и прицеливания, выпускали гранату в полёт. Всё внимание было привлечено только к тому, чтобы как можно плотнее накрыть преследователей, не давая им возможности выбраться. И стало понятно, почему они не воспользовались своими гранатомётами, если таковые имелись. Причина была та же, что и у нас не так давно – ветки и кусты. Повезло, чёрт, как же нам повезло сегодня во многом!!!

А потом, вылетев в прыжке почти параллельно земле, рядом приземлилась Скопа, громко дышащая, вся измазанная землёй и суглинком, с винтовкой за спиной, которую немедленно потянула в руки. И живая, самое главное – живая...

Вот тут-то нашим противникам пришёл самый настоящий звездац, потому как превосходство их в электронике начало так сказать кончаться. Скопа очень быстро заменила все необходимые аккумуляторы и открыла ответный, точный и мстительный огонь. Правда делала она это недолго, потому что испытывать судьбу больше было нельзя. И мы свалили в пролесок, начинающийся прямо за нашими спинами, и через который должны были пройти до Дач.

Отойти подальше от Черты не получилось. На нас, яростно завывая, выскочила стая орфо-псов, которым, скорее всего от голодухи, просто снесло остатки мозгов в их тупых головах. Была бы ещё стая большая, я бы понял их душевно-прекрасный порыв, а так...

Мы отбились от четвероногих Изменённых, быстро и спокойно, потратив от силы по магазину на брата, но упустили таки время. И теперь нужно было срочно вспоминать все возможные укрытия в этом месте и бегом бежать к ближайшему из них. Первой про подобное вспомнила Скопа, которая была здесь около трёх недель назад. Как она объяснила, нам нужно было забрать немного к северу, и где-то через полкилометра тогда грозило наткнуться на какую-то хибару, сделанную из старого автомобильного КУНГа. И то хлеб, если честно.

– Нормально нас прижимать начали, да, брат? – Её голос в динамиках был уставшим, а я и не удивлялся, день был сложным. – Как думаешь, дальше ещё хуже будет?

– Да хрен его знает, если честно. – Думать про то, что будет, как-то не хотелось, смысла в этом я сейчас не видел. Просчитать все ходы наших противников можно будет чуть позже, когда отпадёт первоочередная проблема с крышей над головой. Сестра, скорее всего, поняла и замолчала, двигаясь вперёд.

Стемнело практически полностью, но мы успели дойти. Железная будка стояла там же, где и была должна стоять. Никого в ней, либо рядом мы не обнаружили, хотя то, что ей пользовались постоянно, было видно. Вообще-то рейдеры народ обстоятельный, причём во всех вопросах, включая тот, который решает то, куда по нужде сходить и как бы лопухом потом не потереться. Но последние побывавшие здесь на стоянке, скорее всего, были либо бандосовским хамлом, либо совсем неопытными рейдерами. Куча банок из-под консервов, которые входили с паёк самых стремноватых войсковых подразделений, или тех, про кого я уже говорил, чётко это показывала. Ну что за свиньи, скажите мне, пожалуйста, надо же и про других думать-то. Нагадили и свалили, ладно хоть, что в самой будке не насрали.

– Караулим по одному? – Сдобный повернулся к нам со Скопой.

– Ну, так-то да, нормально будет. – Я согласился. – Её может отобьём прямо сейчас, а я заступлю?

– Не вопрос. – Сестра улыбнулась. – Дайте мне часа по два на каждый глаз давануть, и я готова хоть всю ночь куковать.

– Иди уже спи, кукушка, блин. – Вот люблю её неунывающий характер, никак больше и не скажешь. Только-только еле выкарабкалась из такой задницы, а уже зубоскалит, вот такая она у меня.

– Мне когда заступать? – Точинов вопросительно посмотрел на нас со Сдобным.

– Вам, профессор, приказ такой... – Мой друг усмехнулся. – Занять позицию в КУНГе, разложить спальник и отсыпаться.

– Это почему ещё? – Мне показалось, или наш умный попутчик немного обиделся?

– Да зачем оно вам? – Сдобный непонимающе вытаращился на него. – Какой смысл, тем более что вы, без обид, насколько нас старше? А завтра с утра нам пилить и пилить вперёд, вы же знаете.

– И что? – Точинов упрямо нахмурился. – Из-за возраста я сам могу решения принимать, вам не кажется?

– П-р-оф-е-е-е-с-с-о-о-р... – Из проёма двери выглянула Скопа. – Ну что вы как маленький, честное слово. Пойдёмте уже спать, хватит вам пререкаяться. Ну, хотите, я вас ближе к утру распиною, а?

– Так... – Мне очень хотелось, чтобы она уже ушла отдыхать, а потому решил решить вопрос с упрямым учёным как можно быстрее. – Профессор прав, он далеко не маленький мальчик и сам знает, что ему и как делать. Сдобный, разбуди меня через три часа, а я подниму нашего неугомонного туриста. Ок?

– Да не то слово. – Сдобный кивнул головой. – Отбой, команда, завтра сложный день.

Он разбудил меня даже позже, где-то так часа на два или три. Объяснять друг другу ничего не требовалось: пусть девчонка поспит, мы сможем себе такое пока позволить.

– Десять ноль семь? – Буркнул я спросонья.

– Десять ноль девять. – Сдобный гоготнул над старым приколом. Служили-то мы в одних войсках, и система звуковых сигналов въелась так сильно, что пользовались ей и в самых обычных делах, не говоря про рейды. Обстановка? В норме. Именно так можно было спросить, но куда деваться от того, что сопровождало тебе столько лет?

Ох, как же не люблю вот этих подъёмов посреди ночи... ненавижу просто. Вышел на свежий воздух, поёжившись от его совсем уже недюжинной свежести. Всё-таки тот факт, что металлическая коробка была с нормально сохранившимися оконными и дверным проёмами, играло серьёзную роль. Внутри было тепло, не то, что здесь, снаружи, хотя оно и к лучшему, сон быстрее пройдёт.

Небо было чистым, с теми самыми красавицами звёздами, которыми можно любоваться и любоваться. Наша железка стояла на небольшом подъёме, стоявшем на открытом пространстве, разве что заросшим местным вездесущим бурьяном. И хорошо, и плохо, так как находишься как на ладони. Только кому из тех, кто обладает оптикой, захочется по ночам здесь шариться? А тем, кто ходят на четырёх лапах, или на двух, но при этом тупые – всегда найдётся, чем им объяснить о том, что они серьёзно ошиблись, когда решили сходить к нам в гости.

– Слышь, Серый... – Тот повернулся ко мне. – Скажи-ка мне, брат, а что тебя заставило заняться этой бесполезной и самоубийственной задачей? Весь день мучаюсь этим вопросом, зуб даю, но так до конца и не понял.

Тот не ответил сразу, постоял, смотря в небо нашего города, превратившегося в то, что есть сейчас. Если честно, то ответ мне был не так уж и нужен, потому что предполагал то, что услышу. Но хотелось получить подтверждение собственным мыслям, чтобы окончательно понять, что всё делаю правильно.

– Да из-за того же что и ты, брат... из-за Радостного. Я когда в первый раз оказался возле своего дома, то плохо мне было, как и тебе, наверное. Ты хочешь такой судьбы ещё кому-нибудь? Хм, я так и думал, что не хочешь. Слишком страшно и больно то, что случилось, и хочется что-то сделать, да? Поэтому и торчим с тобой здесь уже сколько лет, и всё никак не могли себя заставить уйти, да и вряд ли теперь сможем. Идём до конца, Пикассо?

– Идём до конца, Сдобный...

Он ушёл спать, а я остался здесь, залез на будку, где уже давно кто-то предусмотрительный поставил что-то вроде насеста, свалив в кучу мешки с песком и камнями. Наблюдательный пост как наблюдательный пост, на десятках таких стоял раньше, так что и сегодня простою, не обломаюсь. Тем более, что пока мне не хотелось будить Точинова, пусть отдохнёт дядька, с утра придётся тяжеловато. Мы станем сильно убежать, а нас будут не менее упорно догонять. Силы ему ещё ой как пригодятся.

Стоять в карауле в это время не очень хорошо, спать тянет, но если ты давно этим занимаешься, то наплюёшь и будешь стоять как автомат. Сколько их было ещё до Района, можно ли сосчитать и вспомнить? Вряд ли, если честно, никак не выйдет. На разрушенных фермах, посреди чистого поля, в предгорьях и лесах, посреди брошенных деревень и посёлков. Эти ночные часы у меня давно превратились в месяцы, если не в годы. А что поделаешь, была война... да и сейчас она есть.

Война... война всегда рядом, всегда вокруг, даже если ты её не хочешь видеть. Она сидит в каждом, и лишь рамки, навязываемые государством и уголовным кодексом, не дают ей выбираться наружу. Оно и к лучшему, а то страшно представить, во что могли бы превратиться улицы городов, вздумай кому-нибудь доказывать своё право на пьяный дебош посреди ночи, к примеру. Хотя... кто захочет, тот так и так будет это доказывать. Самое главное, что войной может быть что угодно, даже то, что кажется абсолютно противоположным.

Странные мысли посреди одного из самых, а может и самого опасного, места на планете, да? А вы постоитесь ночью, вооружённый и осознающий то, что в любой момент вам могут

предъявить большой счёт только за то, что вы здесь находитесь. Поневоле станешь философствовать по поводу многих вещей. Хотя сейчас, в чём мне стыдно было признаваться, мои мысли крутились вовсе не вокруг нашей задачи. Думалось про то, что же сейчас с ней, сумевшей спасти меня, по сути совершённого поступка. Где она на самом деле, как и что сейчас делает? Спит ли спокойно в том месте, где её оставил Сдобный, или так же, как и я, смотрит на небо и думает про то, где я? Каламбур, конечно, но так хотелось в это верить.

Я посмотрел на подсвеченный зелёным светом экран коммуникатора, ага, почти пять утра. Сам не заметил, как время побежало вперёд, и это к лучшему. Будить ребят буду через полтора часа, и вперёд, в сторону приветовских дач, где нас должен ждать Сокол. Ну, а дальнейший маршрут движения сложится по ситуации.

Скрипнула металлическая петля, и на улицу, заспанный и пыхтящий, выбрался профессор. Встал, явно не соображая где можно меня искать. Пришлось помочь ему, чуть свистнув и показав на приваренные скобы, служившие лестницей. Через несколько минут, сделав необходимые дела, Точинов взобрался ко мне. И сразу предъявил мне нехилую заявку по поводу того, что я де его не разбудил, как обещал раньше.

– Да вы, Пикассо, врун, как я посмотрю...

– Ладно вам, профессор, бросайте, честное слово. – Я поневоле почувствовал, как начинаю улыбаться, до того потешно он это заявил, интеллигент, етит-колотит. – С добрым утром, вообще-то.

– С добрым утром... бррр... куда как добрым. – Точинов поёжился. – Холодноовато.

– Что есть, того не отнять, зато спать не очень хочется.

– Я так понимаю, что вашу сестру мы поднимать не будем?

– Неа... светает уже, хорошо. Профессор?

– Да, Пикассо?

– Не расскажете про Ковчег? Ну, что он вообще такое, почему Волна была, в чём причина, в общем.

– Хм... ну а чего же не рассказать-то? Про подписку говорить сейчас явно не приходится. Ковчег... мм-м... Ковчег. Понимаете ли, Пикассо, природу его происхождения мы тогда так и не поняли. Ну, вот только представьте, что перед вами находится что-то без явных признаков какого-либо агрегата, похожего на двигатель. Корпус этого непонятного объекта не поддаётся нормальному химическому анализу, потому что из всего того, что есть у периодической системы, у Ковчеха присутствуют лишь три элемента, и все три редкие, получаемые лишь в лабораторных условиях, которые вообще находятся не в тех соединениях, в которых должны находиться. Вся остальная поверхность, представляет собой странную смесь из сплавов неизвестных металлов и биологически активной субстанции, которая несколько не повреждена. А ведь углеродный анализ был первым, который мы делали. И штука эта, если исходить из его данных, пролежала под землёй очень долго, сотнями лет нужно мерять возраст её залегания. А эта самая составляющая активна, хотя давно уже должна была быть полностью уничтоженной временем. Вот вам такая вот загадка, а дальше больше...

В само Ковчеге творится чёрт его знает, что... и больше всего это чёрт его знает что, напоминает кунсткамеру, причём как по назначению, так и по наполнению, видели бы вы её экспонаты... хотя похожие вы имеете счастье наблюдать постоянно. Здесь, в Районе, в каждом рейде. Кое-что мы смогли прояснить, конечно, например то, что гены этих самых экспонатов вполне себе активны, несмотря на глубочайшую степень криогенизации и опять же, прошедшее якобы время. Волна, Пикассо, это сложнейшая взвесь очень активного механизма биологической защиты Ковчеха. Вернее, как стало ясно потом, некоторых его обитателей из тех, что ни в какой заморозке не находились.

Мне как-то раз пришло в голову дикое сравнение Ковчеха со смесью из зоопарка и тюрьмы. Да-да, именно так, именно тюрьмы. Слишком уж хорошо было запечатано одно,

самое большое по данным лазерного измерения, хранилище, которое открылось именно после катастрофы. И те, кто оттуда вышел, не выглядели провалявшимися в криогенной установке веками. Вот вам и загадка, которую, к своему сожалению, мы так и не смогли разгадать.

Выдвинул гипотезу, которая мне изначально самому показалась диковатой, но всё свидетельствовало в её сторону. Нужно понимать, рейдер, что я являюсь, вернее – являлся, реалистом, с самого детства. И никогда не верил в зелёных человечков из глубин космоса, полтергейсты и прочую туфту, но тут... пришлось поверить. Есть теория пересекающихся пространств, схожих между собой во многом, но ещё в большей степени различных. Так вот я считаю, что Ковчег именно оттуда, с Той стороны. И он на самом деле является тем, о чём только что говорил. И самое поразительное, что исследуя всё, что произошло и поведение тех самых существ внутри него, приходишь к выводу, что это может быть действительно тюрьма для преступников. Страшно становится, по одной простой причине: если комплектация места заключения смогла сотворить такое здесь, то чтобы было, если наш мир соприкоснулся с Тем во всей его мощи?

Хотя... бредни всё это, бредни. Скорее стоит поверить в зелёных человечков и в то, что именно сверху всё это свалилось.

Он замолчал, смотря на всё более светлеющее небо. Что оставалось мне, как не присоединится к нему и молча переваривать всё, что только что услышал. Мда...

Странностей в Районе хватает, что и говорить. Когда я в первый раз увидел цербера, а мне попался именно трёхголовый, то чуть в штаны не наложил со страху и удивления. А вот когда попал под большого смока, то тут мне на какой-то момент показалось, что смотрю объёмный стереофильм и хочется немедленно либо покинуть зал, либо пристрелить механика, чтобы перестал меня пугать. И так далее, и тому подобное. Но никогда не приходилось задумываться в подобном ключе, казалось бы – почему и нет, но не думал. Наверное, я с детства привык, что учёные могут сотворить всё что угодно, хоть собаку с несколькими головами, хоть наполовину человека, а наполовину механический агрегат.

– А из-за чего произошла Волна?

– Из-за того, Пикассо, что человек слаб. И гордыня, совмещённая с желанием прославиться – запросто толкает на глупости. Гробовой смог вскрыть заблокированный вход к тем, кто был в самой глубине. А дальше – дело техники. Активизация механизма защиты Ковчега, выброс самой взвеси, приведение организмов, живых и нет, в состояние раскрытия латентных генов собственного корпуса адаптации к экстремально-агрессивной среде, которая не просто может повредить... может убить. Потому и появились Изменённые.

В каждом, в том числе и в мёртвом на момент Волны, все эти внутренние резервы запустились самопроизвольно. Лишь часть, вроде церберов, были ещё и дополнены тем, что входило в состав информации Ковчега. Результат... вон он, вокруг.

Профессор вновь замолчал.

Да уж, дела... ну, да и ладно. Всякое в жизни бывает. И если уж доведётся давать звездолей хоть параллельным уркам, хоть инопланетным, так дадим, куда нам теперь с подводной лодки деваться? Зато спасибо профессору, что отвлек от грустных мыслей...

Внизу скрипнула дверь, и на улицу, злая как тысяча чертей, выскочила Скопа. Покрутила головой, задрала её вверх, зыряка глазами в нашу сторону. Профессор тактично отвернулся, предоставляя мне единоличное право разбираться с оскорблённой в лучших чувствах сестрой. Что она незамедлительно и продемонстрировала, высказав в весьма образной форме всё, что думает про мою братскую заботу и прочие прелести её, несчастной и замученной мужским шовинизмом, девичьей жизни.

Прооравшись вместо утренней зарядки, Скопа фыркнула и отправилась по делам, а потом, как она громко заявила, подумает, кормить или нет всяких там чересчур заботливых родственников, которым давно нужно бы понять, что она девушка самостоятельная и очень

уважаемая в рейдерской среде, а также за её пределами. А то, сейчас нас не то, что уважают, нас сейчас наверняка ещё и бояться. Кто ж не боится с дуба рухнувших маньяков, взрывающих машины с государственными людьми прямо посреди белого дня?!

Сдобный, проснувшийся от её искреннего возмущения, весь из себя недовольный и мрачный, даже не выдержал, расплылся в широкой улыбке:

– Как же мне этого не хватало! – Он усмехнулся ещё шире. – Неужели сейчас ещё и тушняк хавать будем?

А то, его, родимого, и будем употреблять. Первейшая вещь для того, чтобы отправиться куда-нибудь в поисках чего-то интересного. Может, конечно, всякие там специальные пищевые концентраты, густо сдобренные витаминами и специальными веществами и питательнее, и места меньше занимают, но... нет в них романтики, короче. Я так вообще люблю таскать в эрдэшке не плоские и сделанные практически из фольги коробочки, а старого образца, пузатые металлические банки с оттиснутым номером ГОСТа. Бывало – берёшь, вскрываешь её ножом, а оттуда запах, густой такой запах мяса, которое в ней практически и без жира, да с листом лаврушки и терпким перцем. Ммм... сказка. Что, фрикасе из рябчиков в ананасах вам подавай, суп де-воляй или дефлопе? Да и хрен с вами, выпендрёжниками и типа гурманами, как по мне – так проще быть нужно.

Плохо, что нельзя расходовать воду так, как хотелось, здесь с ней засада. Чуть сполоснуть собственную рожу, экономично почистить зубы (а как вы думали, мы-ж не чуханьё какое-нибудь) и всё. Без чаю пока обойдёмся, чать не маленькие.

На самом деле есть с утра вовсе не обязательно, куда как лучше сделать это чуть позже, уже отмахав изрядное количество километров вперёд. Но что поделать, если хочешь доказать, прежде всего самому себе, что ты действительно серьёзный человек и этот вот ритуал просто нужен. Потому что он показывает самое главное: мы уверены в себе и делаем то, что делают все нормальные люди, а не бежим вперёд и не давимся куском по дороге. За ночь следы наши уже вполне могли оказаться затоптаны местным зверьём, и так оно и было наверняка. Стоит ли тогда опасаться того, что прям вот сейчас возникнут из воздуха наши преследователи, и всё дело пойдёт крахом? Вот и я придерживаюсь того мнения, что не стоит.

– Как настрой, профессор? – Сдобный подошёл к задумчиво жующему Точинову. – Готовы продолжить нашу экскурсию?

– Конечно... – Тот задумчиво потёр лоб, чиркнув себя по стёклам очков ложкой, которую ему вручила Скопа. – Вы не переживайте, у меня сил ещё ого-го сколько.

– Это хорошо. – Сдобный сел на торчащую из земли бетонную плиту, обгрызанную временем до того состояния, что из неё редким частоколом торчала ржавая арматура. Усаживаться ему пришлось аккуратно. – Значит отряд в полной боевой готовности.

Скопа, сидевшая на будке, чуть свистнула.

– Ты чего? – Я немного напрягся.

– Вон там пролесок. В нём кто-то есть, и этот кто-то очень сильно хочет быть не заметным. – Сестра аккуратно поднесла прицел к глазам, всматриваясь. – О как...

Хм, голос у неё был явно не встревоженным, что радовало. Интересно только – кого она там умудрилась заметить? Если кто-то из нашей, рейдерской братии, то можно будет попробовать выйти на связь через коммуникатор. Переговоры запросто могут начать следить уже здесь, используя всё возможное оборудование. А вот с КПК, если знать то, как и что нужно сделать, можно отправить сообщение так, что никто и не поймёт, кому и от кого оно пришло и ушло.

– Да это же Котёнок... – Сестра неожиданно улыбнулась. – А чего это чучело здесь делает и чего оно шкерится по дубравам и пролескам?

От те на... даже и не знаю, что сказать, если честно. Котёнок, а если быть точным, то Кот Андерсон, был весьма и весьма интересной личностью. Здоровенный, чуть полноватый и весёлый рейдер лентяй, который не очень любил ходить в одиночку, хотя и не относился к

какой-либо определённой группе. Балагур и сказочник, похожий на престарелую поп-звезду Лазарева, до сих пор бодро и неутомимо прыгающего на сборных концертах-солянках. Ну, вернее на него молодого, так как Коту от силы было двадцать семь.

Как он попал в число тех рейдеров, которые выживали после первых заходов в Район, становились ветеранами и продолжали ходить и ходить, с его постоянными выходками и попаданиями впросак? Это вопрос очень сложный, если не сказать непонятный. Как бы то ни было, но, не смотря на то, что Андерсон постоянно попадал в какие-то неприятности, выкарабкивался он из них с завидной лёгкостью и славился изрядной долей удачи, так необходимой в этом нелёгком деле. А прозвище получил за два обстоятельства, и потом два совсем разных «погоняла» слились в одно, так ему подходившее. Андерсон был самым настоящим сказочником, могущим врать так складно и гладко, что в пору заслушаться. И ещё, по отношению к девушкам он всегда вёл себя именно как кот, молодой такой, довольный жизнью и донельзя ласковый. Так уж и вышло, что бродяга, на своём веку сделавший немало нехорошего и плохого, в обиходе мог быть просто Котёнком. Только чего он и правда здесь делает так рано по утру?

– Ба... – Протянула Скопа. – Ой, и попал видно парень, за ним топтуны вон идут, а он чего-то и не отстреливается.

О, как, ну надо же, опять Кот попал в переделку, и, скорее всего, как всегда выберется из неё целым. Благодаря нам, конечно, ведь рейдеры своих не бросают.

Топтуны? А что, бояться ли нам тех, кто умер во время Волны, каким-то странным образом не разложился полностью за прошедшие годы и теперь знай себе шастает по Району? Наверное, что не стоит, потому как их было всего семеро голов, а стволов у нас было четыре.

Мы со Сдобным быстро двинулись не такого уж и близкого посёлка. Скопа осталась на верхотуре, старательно выбирая цель для первого выстрела. Точинова мы с собой не взяли, дав ему понять, что охранять нашу валькирию дело намного более достойное его, чем спасать рейдера от живых и очень быстрых покойников. Если честно, то просто не хотелось рисковать здоровьем того, кто нам нужен. Мертвяки не самые опасные противники в Районе, но только тогда, когда ты знаком с их повадками хорошо и долго.

Скопа начала стрелять сразу после того, как мы оказались у пролеска. Андерсону мы отправили сообщение, на которое он прореагировал именно так, как и было нужно. То есть бросился сломя голову в нашу сторону, старательно выбирая маршрут между довольно густой порослью «колючки», которой в этом квадрате Района всегда было очень много. Мертвяки старательно преследовали его по пятам, не обращая никакого внимания на торчащие сучья от упавших стволов, пни и ту же «колючку». А чего им, давно помершим от естественных причин заморачиваться по таким мелочам?

Опа... один улетел в сторону, отброшенный ударом девятимиллиметровой пули из винтовки Скопы. Голова лопнула, забрызгав ближайшую берёзку своим содержимым, которое, как ни странно, было. Остальные не обратили на это внимания, и пока не заметили нас со Сдобным. А зря...

Мы приняли их сразу, как Андерсон оказался рядом, несколькими короткими очередями решив судьбу этого явно стайерского, если судить по покрасневшему фрагменту лица Кота за забралом, забега. Ну и помощь сестры, которая дала нам завалить всего по два топтуна на ствол каждого. Такая вот она у нас, хлебом не корми, а дай популять в движущиеся и агрессивные мишени.

Не люблю топтунов, и не жаль мне их, в отличие от большинства Изменённых, если честно. Они не были живыми в момент Волны, и стали ещё более мёртвыми после неё. Вон, лежат, белея тем, что осталось от их голов, бледно-синюшные, с тёмными сосудами под пористой кожей. Эх, и мерзопакость, скажу я вам. Когда увидел в первый раз, то меня так замутило, что еле-еле удержался. Ну, а только представьте, топаете вы себе вдоль остатков асфальта тро-

туара в районе «четвёрки», той самой школы, где училась моя мама. И тут, откуда не возьмись, появляется этакая чуда-юда, которая молча, открыв пасть с давно нечищеными зубами, кида-ется на тебя. А делает это топтун очень ловко и очень быстро, вы уж поверьте, если не быть готовым к такому, то очень скоро сами можете перейти в схожее состояние, если очередной Всплеск не за горами. И ещё волна дикой вони, которую они перед собой распространяют, смесь из разложения, вроде бы сильно приторможенного и какого-то странного, едкого и сухого запаха, похожего на формалин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.